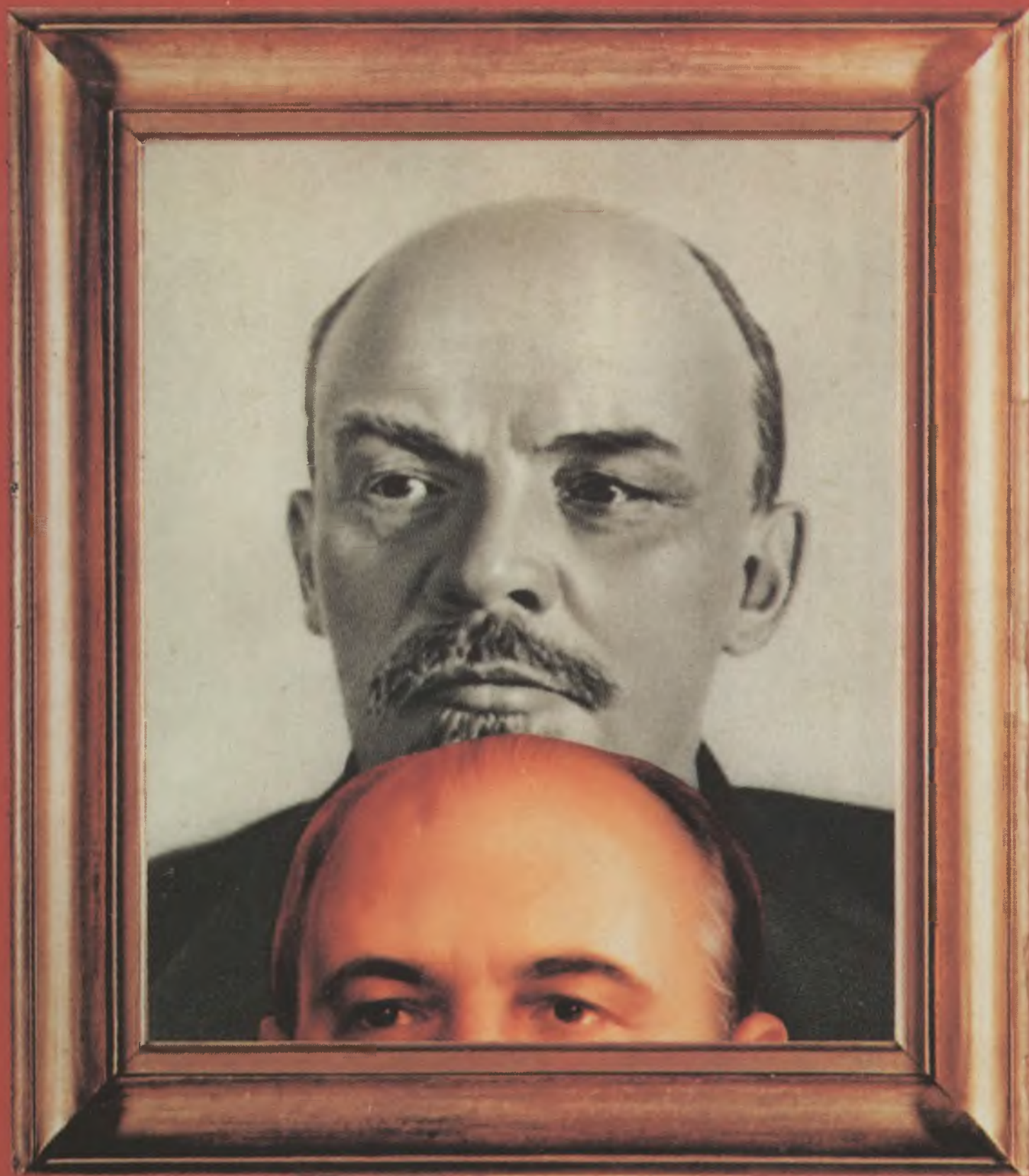

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

ГОРБАЧЕВИЗМ

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ ГОРБАЧЕВИЗМ

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

ГОРБАЧЕВИЗМ

LIBERTY PUBLISHING HOUSE
NEW YORK • 1988

ALEXANDER ZINOVIEV
GORBACHEVISM

Editor: ASYA KUNIK

PUBLISHER: ILYA I.LEVKOV
Liberty Publishing House, Inc.
Fifth Ave, Suite 511
New York, NY 10017-6220

Copyright © for the Russian edition by
Liberty Publishing House, Inc. 1988

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced or utilized in any form
or by any means, electronic or mechanical, including
photocopying, recording, or by any information storage and
retrieval system, without permission in writing from the Publisher.

Cover design by VAGRICH BAKHCHANYAN

Printed in the United States of America
R.R.Donnelley & Sons Co.

Library of Congress Cataloging in Publication Data 88-080942

ISBN 0-914481-43-6

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Феномен Андропова	9
Методологическое замечание	15
Принудительная трезвость	17
Отсутствие трезвости	25
Враждебность научному подходу	31
Замыслы и возможности	36
Закон уподобления	40
Догоняя Запад	45
Динамизм и консерватизм	54
Проблема эффективности производства	58
Социальная и экономическая эффективность	61
Коммунистические методы в экономике	65
Проблема рентабельности	68
Централизация и децентрализация	70
Новый нэп	76
Разгром оппозиционного движения	79
Проблемы оппозиции	86
Гласность	90
„Ренессанс” культуры	96
Сталинизм и горбачевизм	104
Семидесятилетие революции	107
Пересматривая историю	112
Ни дня без реформы	114
Теоретический уровень	117
Революция сверху	121
Плата за перестройку	126
Урок одной неудавшейся реформы	128
Горбачевизм и Запад	134
Пропасть взаимонепонимания	141
Советский Союз и мировая экономика	144
На высшем уровне	147
Социальный кризис и тенденция к компромиссу	152
Идейный цинизм	161
Заключение	163

ПРЕДИСЛОВИЕ

В жизненном потоке есть явления глубинные и поверхностные. Первые редко замечаются и еще реже осмысливаются. Чаще их стремятся не видеть, преуменьшать их значимость, скрывать, преувеличивая значение явлений сиюминутных. Это стремление в нашу эпоху достигло невиданных доселе размеров. И произошло это главным образом благодаря тому, что человечество изобрело и развило до грандиозных размеров способы обработки и манипулирования сознанием масс. Среди них решающая роль принадлежит средствам массовой информации и пропаганды. Характерным примером стремления человечества к преднамеренному самообману является „феномен горбачевизма” в СССР и реакция на него на Западе.

О тех людях, которые со временем образовали инициативное ядро горбачевского руководства, я писал уже в моей книге „Зияющие высоты”, опубликованной в 1976 году на Западе. Тогда эти люди находились на средних ступенях системы власти и уверенно двигались к ее вершинам. В той же книге я предсказал их приход к власти и даже форму их демагогии.

Непосредственно о горбачевизме я начал писать и публично говорить с первых же дней его появ-

ления на исторической арене. Я опубликовал на эту тему буквально десятки статей и интервью.*

Основной текст этой книги я закончил уже в конце 1986 года как своего рода сборник статей о горбачевизме, объединенных в целое единой темой и расположенных в том порядке, который дает возможность легче уяснить мою основную мысль. В 1987 году книга была опубликована в Швейцарии и Франции, в Канаде, в Голландии и в сокращенном виде в Чили.

В настоящем издании я сделал к основному тексту ряд дополнений, используя мои статьи, опубликованные в течение 1987 года. Эти дополнения несколько конкретизировали общую картину горбачевизма, но нисколько не изменили мою концепцию этого феномена.

Поскольку эта книга возникла из множества статей, посвященных различным аспектам одной и той же проблемы, в ней неизбежными оказались

* Назову здесь в качестве примера только некоторые газеты и журналы, в которых они были напечатаны: "Corriere della sera" (3.11.1985; 13.2.1986; 9.4.1986; 26.7.1986; 27.8.1986; 17.9.1986; 14.10.1986; 30.1.1987); "La Repubblica" (4.3.1985; 21.2.1986); "Die Weltwoche" (23.1.1986); "Liberation" (19.11.1985); "Reinische Merkur" (14.9.1985); "La Suisse" (5.12.1985); "Micro Mega" (No 3, 1986); "Wiener Journal" (No 60, 1985); "Le Meridional" (10.8.1986); "The Globe and Mail" (8.3.1986); "Avenir" (5.11.1985); "Conturen" (No 20A, 1985); "La Presse" (21.11.1986); "Exaudi" (No 1, 1987); "Zaterdag" (10.1.1987); "Abendzeitung" (26.2.1987); "Suddeutsche Zeitung" (4/5.6.1987); "Il Tempo" (7.6.1987; 24.8.1987; 31.8.1987; 8.9.1987; 25.9.1987; 12.10.1987); "L'Information immobiliere" (No 31, 1987; No 32, 1987; No 33, 1987; No 34, 1987).

повторения некоторых важных идей. Но я не вижу в этом особой беды. Иногда бывает полезно много раз повторять одно и то же, чтобы приковать внимание читателя к сути дела.

Я с самого начала должен предупредить читателя о том, что не намерен объяснять современную ситуацию в советской системе власти и управления личными качествами Горбачева и особенностями его поколения партийных работников. Личные качества отдельных исторических деятелей и особенности целых поколений таких деятелей играют важную роль в историческом процессе лишь в той мере, в какой они соответствуют объективным потребностям, возможностям и закономерностям этого процесса. Поэтому я использую здесь имя Горбачева лишь постольку, поскольку именно этот советский партийный чиновник волею обстоятельств оказался выразителем определенного явления в советской системе власти и управления (руководства) как таковой.

Мне не раз задавали вопрос: как я могу судить о событиях в России, если я покинул Советский Союз много лет назад? Причем этот вопрос задавали обычно люди, которые сами писали и пишут о Советском Союзе, не побывав там ни разу или побывав в течение короткого времени и увидев лишь то, что им позволено было увидеть. Я отвечал этим людям вопросом: а как люди узнали о том, что творится внутри атома, не побывав там лично; как люди узнали о явлениях на поверхности Марса, еще не слетав туда? А я все-таки прожил в условиях коммунистического общества больше пятидесяти лет и имел возможность в течение нескольких десятков лет наблюдать и изучать внутренние механизмы советского общества. Основные результаты моих исследований я в

самой общей форме, то есть в форме, доступной неспециалистам, изложил в литературных произведениях, а также в книге „Коммунизм как реальность” (1981), и в серии статей, помещенных в сборниках „Без иллюзий” (1979), „Мы и Запад” (1981) и „Ни свободы, ни равенства, ни братства” (1983).

Статья первая
ФЕНОМЕН АНДРОПОВА

Разговор о горбачевизме надо начинать с разговора о Ю.В.Андропове. О феномене Андропова я писал в моей книге „Пара беллум”^{*} (1986). Здесь я говорю о нем лишь в связи с горбачевизмом. Горбачев — наследник той линии в советском руководстве, родоначальником которой был Юрий Андропов. Вернее, Андропов сделал лишь попытку в этом направлении. Он умер, не успев дать свое имя этой линии или этому стилю в советском руководстве. Горбачев имеет шансы прожить дольше и обнаружить все потенции этого стиля руководства. Потому этому явлению предстоит войти в историю скорее не под именем „андроповизма”, а под именем „горбачевизма”.

Стало штампом говорить о высших советских руководителях, будто они захватывают власть. Но выражение „захват” ко многому обязывает: оно означает в данном случае, что глава советского руководства (Генеральный секретарь ЦК КПСС) силой овладевает системой власти вопреки воле и желанию лиц, вовлеченных в эту систему. На самом же деле понятие „захват власти” не имеет ничего общего с характерной для коммунистического (социалистического) общества формой прихода к власти.

Приход Ю.Андропова, бывшего главы КГБ, к власти был в советской системе преемственности власти явлением из ряда вон выходящим. Но не случайным.

* Para bellum (лат.). Часть латинского изречения: Si vis pacem, para bellum. Если хочешь мира, готовься к войне (примеч.ред.).

Сравним случай Андропова с первой попыткой прихода к власти бывшего главы КГБ — Берия. Берия имел в своем распоряжении достаточно сил, чтобы уничтожить конкурентов и стать во главе страны. Но его попытка не удалась. Андропов же пришел к власти вообще без оружия. Почему так? Да потому, что Берия хотел захватить власть, что в условиях советской системы власти в принципе исключено. В советской системе власть не захватывают. В этой системе к власти допускаются. Даже Сталин не захватывал власть, как принято считать. Сталин был допущен к власти. Будучи допущен к ней, он умело использовал свое положение, чтобы укрепиться у власти и удержать ее за собой. А это тоже не есть захват.

О том, что формой прихода к власти в коммунистическом обществе является не захват, а допуск, говорит и провал попытки второго бывшего шефа КГБ — Шелепина. Шелепин некоторое время считался претендентом номер один на советский престол. Но в тех условиях его намерения были абсолютно беспочвенны. Репутация главы КГБ была слишком еще одиозной. Приход такого человека к власти нанес бы огромный ущерб стране во внешних отношениях, а внутри страны — высшему руководству. Теперь же ситуация в мире и в стране изменилась настолько радикально, что именно репутация Андропова как бывшего главы КГБ сработала в его пользу. Андропов был допущен своими коллегами и соперниками к власти еще до смерти Брежнева.

Это произошло не без борьбы в руководстве. Борьба была. И продолжалась вплоть до смерти Брежнева. Но как бы то ни было, Андропов стал во главе партии. Почему и благодаря чему? Положение в стране в конце брежневского руководст-

ва было очень тяжелое. Коррупция достигла высочайшего уровня. Трудовая дисциплина упала даже ниже привычного низкого уровня. Каково было положение в экономике, — общеизвестно.

Пожалуй, лишь одно ведомство достигло выдающихся успехов — КГБ. Была сломана, дискредитирована и лишена социальной основы оппозиция. Агентурная сеть на Западе достигла неслыханных масштабов, проникнув во все уголки планеты и во все сферы жизни общества. КГБ стало силой, играющей существенную роль в военном деле, экономике и политике. И среди высших советских руководителей, претендовавших на первую роль, глава КГБ оказался наиболее подходящей фигурой. Он среди них был лучше всех осведомлен о положении в стране и в мире, причем — объективно, без иллюзий, очковтирательства и идеологической болтовни. В его распоряжении был мощный аппарат власти. Он был способен пойти на серьезные меры, взять на себя ответственность за исправление тяжелого положения в стране.

Исторические явления всегда бывают результатом совпадения и переплетения множества различных обстоятельств. В конкретном факте допуска к власти именно Андропова свою роль сыграло также и то, что ни одна из группировок в высшем руководстве не получила подавляющего перевеса. Так что он был допущен к власти отчасти как фигура компромиссная. Андропов был болен, из этого не делалось тайны. В его распоряжении не было и десятка лет, необходимого для создания аппарата личной власти вроде брежневского. Потому он должен был спешить, — что противоречит самой сущности советской системы власти. Это по собственному опыту знали его соратники, которые в советской системе всегда в большей мере враги,

чем друзья. У них были свои личные интересы и расчеты. Андропов в их представлении был допущен к власти как временная фигура, наиболее подходящая для чрезвычайных мер, с целью выполнить самую грязную работу — остановить движение страны к тяжелому и всестороннему кризису.

Одно дело — быть допущенным на высший пост в системе власти, и другое дело — удержаться на этом посту и суметь осуществить свои замыслы. В первом случае высший партийный руководитель должен поставить „своих” людей на ключевые позиции в системе власти, создать неформальный аппарат личной власти, который в конце концов должен ужиться со всей прочей массой ее представителей. Во втором случае руководство должно считаться с объективными возможностями страны, ее социальной системы в первую очередь. Оно должно считаться также с интересами различных слоев населения. Образно говоря, та часть системы власти, которая играет самую активную роль в данной ситуации, должна ужиться со своей социальной системой и своим населением.

Эти два аспекта процесса укрепления и сохранения полученной власти неразрывно связаны. Конфликт с обществом порождает конфликт с системой власти. Конфликт с системой власти ведет к конфликту с обществом в целом, ибо система власти, будучи сама гигантским социальным организмом, является лишь частью общества.

Как в первом, так и во втором аспекте функционирования власти имеют место свои правила и свои границы, нарушение которых ведет к кризисным ситуациям. Дело обстоит не так, будто приходит новое руководство и по своей инициативе осуществляет желаемые реформы сверху. Дело тут обстоит иначе: в стране назревают проб-

лемы, с которыми не может справиться старое руководство и которые не поддаются решению старыми, привычными методами. А из того, что в этой ситуации к власти допускаются новые люди, еще не следует, что они решат назревшие проблемы именно так, как они обещают. Они обещают эти проблемы решить, и это дает им преимущества в приходе к власти. Но приступив к их решению, они сталкиваются с объективными условиями своей социальной системы, которые так или иначе низводят их с небес демагогии на землю неумолимой реальности. С первых же шагов своего правления Андропов из выдающегося главы КГБ стал превращаться в заурядного Генерального секретаря ЦК КПСС.

Возьмем такое „новаторство“ андроповского руководства, как борьба против коррупции, против нарушений трудовой дисциплины, за повышение производительности труда и эффективности предприятий. Какое советское руководство и в какой период советской истории не делало это?! Эта борьба началась с первого дня существования советского общества, продолжалась в самых различных формах всю советскую историю и будет продолжаться до тех пор, пока будет существовать это общество. Это — его рутинная, повседневная жизнь. Это — его нормальное, постоянное состояние, как и те явления, по поводу которых ведется борьба. Это не временная кампания или некая мера умного руководства, призванная за короткий срок решительным образом изменить всю ситуацию в стране. Это, повторяю, образ жизни страны.

На то, чтобы разгромить слабое диссидентское движение, даже выдающемуся шефу КГБ потребовалось по крайней мере пятнадцать лет. Научный анализ объективных законов коммуни-

тического общества обнаруживает, что на осуществление даже мизерных реформ, повышающих уровень социальной организации огромного общества и сохраняющих этот уровень на все последующее время, требуются десятки лет ожесточеннейшей борьбы руководства страной против своего собственного народа. Любой серьезный социальный эксперимент требует огромных усилий, терпения и времени.

Преемником Андропова стал К.У.Черненко — бледная тень Брежнева. Отнюдь не соображения государственной целесообразности сыграли решающую роль в его назначении, а чисто эгоистические интересы все еще сильной части высшей власти и вообще системы партийного руководства: они испугались перспектив андроповских преобразований системы власти лично для себя.

Аналогичная ситуация уже имела место в советской истории. Потребность в десталинизации страны, ставшая вопросом жизни и смерти советского общества, на короткий срок вытолкнула на вершины власти нестандартного Хрущева. И хотя сам Хрущев испугался своих же действий, хотя его активность была ограничена со всех сторон, советское руководство пришло в состояние паники от хрущевских „выходок” и поспешило сбросить его со сцены. Оно было настолько напугано хрущевским отклонением от привычных норм, что праху Хрущева даже не позволили покоиться у Кремлевской стены.

Андропов не успел нанести сокрушительный удар по брежневской мафии. Он не успел завоевать популярность в народе, чтобы возвыситься над могущественным аппаратом власти и использовать его как орудие реформ, подобно тому, как это делал Сталин. Он успел сделать лишь одно: напугать правящие и привилегированные круги советского общества перспективой преобразований. И если Андропову

не помогли умереть, то смерть его была очень кстати. После смерти ему повезло больше, чем Хрущеву: его похоронили у Кремлевской стены.

Рецидив брежневизма не смог предотвратить андроповскую тенденцию в руководстве страной. Брежневизм, однако, не сошел навечно с исторической сцены. Он лишь на короткое время уступил инициативу горбачевизму, оставшись навечно одной из важнейших черт советской системы власти вообще.

Статья вторая

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

Прежде чем непосредственно перейти к рассмотрению „феномена горбачевизма”, хочу обратить внимание на одну важную особенность действий аппарата власти и управления советского общества. В отношении к этим действиям не столько трудно, сколько в принципе невозможно найти однозначное объяснение причин, мотивов и намерений властей, не впадая в ошибки. Дело в том, что все более или менее значительные действия (решения, мероприятия, кампании и т.п.) властей в советском обществе неоднозначны и неустойчивы с точки зрения их мотивации, намерений и интерпретации. Совершенно незначительное явление здесь может послужить толчком к принятию важного решения. Затем этот исходный мотив может вообще исчезнуть и быть забытым, уступив место мотивам иного рода, возникшим уже в ходе принятия и даже исполнения решения. По мере осуществления какого-либо решения могут измениться его мотивы и цели. Результат осуществления решения вообще может отличать-

ся от того, что было задумано в самом начале, и все компоненты ситуации решения могут быть пересмотрены и заменены новыми. В процессе выработки, принятия и исполнения решения возможно возникновение новых намерений и забвение прежних. При чем все это облекается в словесные формы, которые обычно не совпадают с существом дела. В языке власти есть много такого, что имеет различный смысл для участников аппарата власти и для посторонних наблюдателей.

То, что я только что высказал, характеризует лишь в малой степени сложность, аморфность, изменчивость ситуации действий властей. Все то, что воплощается в официальных документах, попадает на страницы прессы и потом входит в исторические книги, на самом деле есть лишь одна из возможных интерпретаций прошлого, обычно мало что общего имеющая с тем, как протекал процесс на самом деле.

Сказанное целиком и полностью относится и к „феномену горбачевизма”. Судить об этом феномене на основе партийных документов, сообщений прессы, речей партийных вождей и их всякого рода помощников и лакеев, на основе бесед ответственных лиц с журналистами и западными политиками и т.п. — значит заранее обрекать себя на односторонность, поверхностность, иллюзии, искажение масштабов и важности событий, то есть обрекать себя на явные заблуждения.

„Феномен горбачевизма” может быть понят лишь как явление определенной социальной природы (хотя и социальной, но природы), то есть в общем контексте жизни советского общества и его системы власти и управления. Горбачевизм обладает тем качеством явлений в этой системе, о которых я говорил выше, но в удесятеренной степени.

В возникновении его сыграли роль определенные внешнеполитические отношения Советского Союза и ситуация на Западе, внутреннее состояние страны, отношения между системой управления и управляемым обществом, взаимоотношения в системе власти, диссидентское движение, критика советского общества в нелегальной литературе, средства массовой информации и многое другое. В нем отразились важнейшие явления жизни человечества в нашу эпоху, причем отразились во всей их сложности, запутанности и противоречивости. Советская система власти и управления есть гигантский социальный механизм, в который вовлечены миллионы людей. Горбачевизм возник как концентрированная форма отражения в нем ситуации в стране и в мире. Потому в описании его неизбежны суждения, которые могут показаться несовместимыми и даже противоречащими друг другу. Но это обусловлено характером самого описываемого феномена, — гигантского социального хамелеона, способного меняться не только внешне, но и внутренне. По этой причине я решил придать этой книге форму сборника статей. Именно такая форма — более адекватна характеру самого объекта внимания.

Статья третья

ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ТРЕЗВОСТЬ

Горбачев начал свою реформаторскую деятельность внутри страны с антиалкогольной кампании, которая принесла ему в народе презрительную кличку Минеральный секретарь. Настало время подвести некоторые итоги этой кампании. Это сделать сравнительно нетрудно, поскольку в усло-

виях нынешнего мазохистского саморазоблачения недостатков в Советском Союзе советская пресса пестрит признаниями на этот счет. Не следует воспринимать это саморазоблачение как свидетельство глубоких преобразований советского общества. Суть этого саморазоблачения очень точно передает старая русская поговорка: „Заставь дурака Богу молиться — он и лоб расшибет”. Раз дана установка сверху обнажить язвы, услужливые исполнители делают это с таким же усердием, с каким они ранее скрывали и будут скрывать в будущем эти же самые язвы.

Советская пресса полна сообщений о том, что антиалкогольная кампания фактически терпит неудачу. Общее состояние в стране выразил журнал „Наш современник” (№ 7, 1987) в следующих словах: „Трезвенническое движение не только не набирает силу, а, наоборот, в целом ряде мест заглохло”. Слова „в целом ряде мест” сказаны тут всуе. На самом деле оно заглохло или идет к этому повсеместно. Ничего особенного в этом нет. Такой результат нетрудно было предвидеть заранее. Интерес тут представляет другое, а именно: то, как понимается сам феномен пьянства в советском обществе и какие меры мыслятся для преодоления его.

Прежде всего, поставим вопрос о том, что именно стало предметом саморазоблачения в данном случае? Это полезно узнать, поскольку совершенно аналогичная картина имеет место и в отношении всех прочих явлений, ставших предметом саморазоблачения. Гласности преданы факты, касающиеся пьянства и его последствий, а также некоторые статистические данные фактического порядка. Так, в упомянутом выше номере журнала „Наш современник” приведены следующие дан-

ные: 1) в период с 1965 по 1980 год производство и потребление алкоголя росло в 37 раз быстрее, чем население страны; 2) производство и потребление алкоголя в стране в 1980 году по сравнению с 1950 годом выросло в 10,4 раза; 3) в 1983 году 36,7 процента мужчин злоупотребляли алкоголем.

Такого рода данные в изобилии приводятся в советской прессе. Не стесняются и в отношении разоблачения последствий неумеренного пьянства. Так, в том же номере журнала „Наш современник” пьянство объявляется одной из важнейших причин сокращения прироста населения, роста смертности и роста преступности. Советская пресса идет в этом отношении настолько далеко, что теряет всякое чувство меры. В том же номере журнала утверждается, что если бы не пьянство, то сейчас в Советском Союзе было бы на 47—53 миллиона человек больше. Вот уж поистине — заставь дурака Богу молиться! Демография как раз, наоборот, констатирует тенденцию к снижению рождаемости и сокращению прироста населения и даже более того — к сокращению населения в высоко развитых странах, в которых нет пьянства в российских его масштабах (например, в ФРГ). И ко всему прочему, зачем стране нужны эти дополнительные пятьдесят миллионов человек, если уже сейчас в Советском Союзе начинает ощущаться относительно избыточное население, а в результате задуманного повышения экономической эффективности предприятий может „высвободиться” много миллионов человек?!

На пьянство сваливают вину и за многое другое, — за низкую производительность труда, за низкое качество работы, за замедленное развитие науки и техники и даже за ослабление обороноспособности страны.

На простаков эти саморазоблачения производят сильное впечатление: гласность! На самом же деле такого рода „откровения” выполняют роль маскировки и сокрытия реальных причин тех недостатков советского образа жизни, которые уже стало невозможно и бессмысленно скрывать. Советская пресса может допустить любые саморазоблачения советского общества, если они не затрагивают сущности самого коммунистического строя страны. В этом отношении в советской прессе было, есть и останется навечно одно „табу”, а именно — признание того, что коммунистический социальный строй с необходимостью порождает пороки, общие коммунизму с капитализмом, в какой-то мере даже усиливает их и порождает новые пороки. Пьянство в советском обществе есть органический продукт советского социального строя.

Тот факт, что оно было до революции, несколько не опровергает мое утверждение. После революции сменилось несколько поколений и теперь вступили в силу факторы самого советского строя. Если даже пьянство удастся искоренить, на его место придет другой столь же страшный порок. Непорочное коммунистическое общество существовало лишь в воображении коммунистов прошлого. Теперь в него никто не верит.

Безудержное признание пороков сочетается в советской прессе с удивительно плоскими и поверхностными размышлениями по их поводу. Порою глубокомыслие советских ученых, философов, журналистов и партийных деятелей достигает высот глупости, какие были немислимы даже в сталинские годы. Например, один философ усмотрел причину падения нравственности среди школьников в избыточном питании. Идея, надо сказать, не очень-то свежая. Помню, лет пятнадцать

назад, когда страна переживала очередные продовольственные трудности, в советской прессе пропагандировалась идея укрепления здоровья путем голодания. В отношении пьянства тоже выдвигаются идеи, достойные интеллектуального уровня доморощенных мудрецов, высмеянных в свое время уже Чеховым.

В рассматриваемом номере журнала „Наш современник”, например, предлагается „вести принудительную, обязательную для всех трезвость как непреложный закон для каждого” советского гражданина. Отметив тот факт, что принудительная трезвость не дала положительных результатов в капиталистических странах, автор утверждает, что там (т.е. в капиталистических странах) „подобный закон не мог быть проведен в жизнь в силу эксплуататорских условий жизни, на которых зиждется государственный строй”. В лучших традициях советской идеологии и пропаганды сталинских, хрущевских и брежневских лет автор утверждает, что в капиталистических странах „капиталисты заинтересованы в спаивании народа”, а что в Советском Союзе „весь уклад жизни основан на заботе о населении” и что „дисциплина, авторитет партии и советской власти, без сомнения, обеспечат проведение в жизнь закона о принудительной трезвости”.

Но ведь в советском обществе и в прошлые годы не было капиталистов, „заинтересованных в спаивании народа”. И, к слову сказать, попробуйте найти капиталистов, которые спаивали бы своих наемных рабочих! А в Советском Союзе и без капиталистов пьянство на работе стало нормой жизни. В советском обществе и в прошлые годы была и партия, и советская власть, и „забота о населении”, что не помешало тому, что пьянство тут превзошло все рекорды стран капитала.

Так в чем же дело? А дело в том, что в идее принудительной трезвости ударение надо делать не на слове „трезвость”, а на слове „принудительная”.

Какие бы факты ни придавались гласности и какие бы слова ни произносились по их поводу, суть дела так или иначе вылезает наружу и дает о себе знать. И эта суть дела — принудительность. Принудительность реформ. Принудительность мер по преодолению реальных и мнимых пороков. Принудительность — вот основа, цель и будущее горбачевской „революции сверху”. А чем это кончается на деле, советский народ хорошо знает на личном опыте.

На примере антиалкогольной кампании обнаружили с самого начала и другие основные качества горбачевизма, помимо принудительности реформ. Я имею в виду, в частности, несоответствие слов реальным делам и несоответствие последствий реформ замыслам. Горбачевцы на словах стремятся „спасти народ” от пьянства, а на деле взвинтили цены на алкогольные напитки и создали нелепые ограничения на их продажу, в результате чего в неслыханных масштабах возросло изготовление самогона и употребление всякого рода эрзацев алкоголя. Пьянство не прекратилось, а условия жизни людей ухудшились. А главное — резко возросло число людей, наказываемых за преступления, связанные с нарушением антиалкогольного режима. За один только прошедший год было подвергнуто таким наказаниям около четырехсот тысяч взрослых.

Четыреста тысяч человек, которых можно использовать на принудительных работах — вот в чем состоит реальная сущность одного только этого маленького участка перестройки. А сколько таких участков в советской жизни?!

Поразительно то, как реагирует западная пресса на такого рода информацию. Она обычно восторгается ею как примером гласности, совершенно игнорируя те факты, которые становятся ее предметом. Что важнее — реальное ухудшение положения людей и увеличение числа репрессированных или сообщения на эту тему в советской печати?

В непосредственной связи с антиалкогольной кампанией стоят кампании против наркомании, проституции и гомосексуализма. В Советском Союзе упомянутые явления существовали в той или иной мере всегда. И с ними боролись. Но тихо, без газетных сенсаций. Теперь о них заговорили преувеличенно громко. В чем тут дело?

Подобные кампании есть рутинное явление советского образа жизни, свидетельствующее о том, что руководство не спит, а действует. Они используются как средство воспитания масс, как средство вовлечения их в активную общественную жизнь. Тема кампании выбирается в зависимости от конкретной ситуации в стране, в мире и в самом руководстве. Это не обязательно жизненно важная проблема. В сталинские годы, например, была проведена грандиозная кампания в связи с совершенно пустяковыми вопросами языкознания. Но социальная роль этой кампании была ничуть не меньше той, какую имеют кампании по борьбе с пьянством и за гласность. К ним надо добавить кампанию по борьбе с наркоманией, которая весьма характерна для понимания сущности горбачевизма. Эта кампания началась вовсе не потому, что наркомания стала угрозой существованию социального строя страны. Наркомания существовала и ранее. И будет существовать после того, как кампания закончится. Не надо преувеличивать ее угрозу советскому обществу,

как это делают в западной прессе и некоторые советские энтузиасты, наживающие себе репутацию на этой теме.

Особенность антинаркотической кампании состоит в том, что она проводится в рамках общей горбачевской концепции „ускоренного развития” с целью догнать Запад. Важно здесь то, что именно Запад маячит перед глазами советских руководителей и не дает им спать спокойно. Причем Запад не только с его достоинствами (например, экономическая эффективность), но и с его пороками (например, наркомания).

Советское руководство готово в современной ситуации даже обнаружить язвы, аналогичные язвам западного общества, чтобы выглядеть западнообразным. Оно с этой точки зрения напоминает лакея, гордящегося подагрой, которую он считает болезнью аристократов. Правда, советское общество при этом обнажает свои язвы ровно настолько, насколько это не угрожает его основам. Оно обнажает маленькие язвы, чтобы скрыть большие, лежащие в самом фундаменте социальной системы. Обнажает, чтобы показать, что оно борется против этих язв и устраняет их, на что якобы не способно западное общество. И как это ни странно, на первый взгляд, это служит средством замутнения мозгов и дезориентации общественно-го мнения.

Советское руководство даже из несчастий умеет извлекать пользу. Манипуляции с Чернобыльской катастрофой принесли горбачевцам не меньше популярности на Западе, чем другие события.

Но дело не только в сказанном. Все действия советских властей многосмысленны, могут переосмысливаться в зависимости от условий и получать

новое истолкование постфактум. Однако есть явления, независящие от такой многосмысленности и изменчивости: это — реальные следствия действий властей. Как и в случае с пьянством, наркомания, гомосексуализм и проституция не снижаются, что признается и самой советской прессой. Зато растет число людей, наказываемых за эти пороки.

Статья четвертая ОТСУТСТВИЕ ТРЕЗВОСТИ

Горбачевское руководство стремится навязать советскому населению трезвость в прямом смысле слова. Но ему самому не хватает трезвости в широком смысле этого слова, — трезвости в оценке фактического положения в мире и в стране, в оценке реальных возможностей советской социальной системы и ее перспектив. Советское руководство, начиная с Ленина, довольно часто проявляло трезвость как во внешней, так и во внутренней политике. Эта трезвость всегда базировалась на некоторой практической необходимости и элементарном здравом смысле, но никогда — на научном анализе объективных закономерностей и тенденций самой коммунистической социальной системы как таковой.

Научный анализ системы не требовался самими обстоятельствами и характером стоявших проблем. Например, никакая серьезная наука не требовалась для того, чтобы допустить нэп как временное средство преодоления продовольственных и других трудностей. Не требовалась такая наука и для того, чтобы понять необходимость индустри-

ализации страны в интересах выживания и обороны. Государственная идеология (марксизм-ленинизм), сама претендовавшая на роль высшей науки и до некоторой степени удовлетворявшая нужды руководства, исключала научный подход к советскому обществу. Последний с точки зрения идеологии выглядел как злобная клевета на советский общественный строй, как антисоветская деятельность, гораздо более опасная для системы, чем любые атаки со стороны врагов.

Но теперь положение в стране и во всем мире сложилось такое, что трезвый подход советского руководства к назревшим проблемам просто невозможен без научного, беспощадно объективного понимания самой сущности коммунистической системы, ее закономерностей и тенденций. У горбачевского руководства хватило ума признать очевидные всем и общеизвестные недостатки советского общества и констатировать проблемы, от которых уже нельзя было дальше уклоняться. Но у него не хватило ни ума, ни мужества для того, чтобы допустить научное понимание самой сущности социальной системы, реальных причин очевидных недостатков и тех возможностей и „невозможностей“, которые лежат в самой системе. У него не хватило ни ума, ни мужества для того, чтобы выработать программу действий в соответствии с природой руководимой системы, а не с субъективными представлениями о ней и амбициями некоторой части партийных чиновников, дорвавшихся до власти.

Ниже я более подробно рассмотрю горбачевскую установку на повышение экономической эффективности производства. Здесь же возьму в качестве примера отсутствия трезвости отношение горбачевцев к бюрократическому аппарату. Бюро-

кратический аппарат в стране вырос и приобрел огромную власть не по недосмотру высшего начальства, а совершенно естественно, вырос из самого базиса общества. Коммунизм без этого аппарата так же невозможен, как капитализм без денег, без прибыли, без конкуренции, без банков. В условиях обобществления средств производства в масштабах страны и объединения всей деловой жизни в единый социальный организм с необходимостью возникает гигантская система власти и управления. Эта система имеет свои неумолимые законы функционирования, неподвластные никаким постановлениям ЦК, никаким призывам вождей. Можно снять человека с какого-то поста в этой системе. Но нельзя отменить сам пост. Даже если такая отмена состоится формально, фактически отмененный пост так или иначе будет заменен новым. Причем пост определяет и то, каким будет поведение его обладателя. Уклонения от нормы при этом не отменяют самое норму.

Попытки Горбачева обращаться непосредственно к неким народным массам через голову аппарата власти и управления выглядят просто смехотворно. Это — либо демагогия, рассчитанная на простаков, либо непроходимая глупость. Такое обращение вождя непосредственно к массам было уместно и давало эффект в сталинские годы, то есть в годы юности советского общества.

Теперь это общество превратилось в зрелый социальный организм. Никаких народных масс в старом смысле слова нет. Есть низшие слои общества, уже не играющие решающей роли в деловой жизни страны. Огромное число чиновников само входит в массу населения. Обращаться прямо к „народу” (благо, есть телевидение!) в нынешних условиях — все равно, как если бы коман-

дующий армией обратился прямо к солдатам через голову генералов, офицеров и унтер-офицеров и подверг бы их критике. Нужно быть весьма недалеким политиком или циничным демагогом, чтобы пойти на такой опрометчивый шаг.

Борьба с коррупцией и воровством есть обычное дело в нормальном государстве. Но возвышение этой борьбы на уровень высшей политики и даже стратегии руководства означает нечто большее, чем ошибку. Дело в том, что в условиях коммунистической социальной системы коррупция, использование служебного положения в корыстных целях и даже некоторые виды воровства — суть не просто преступления. В основе своей они вообще не преступления в обычном смысле этого слова, а вполне закономерные формы распределения и перераспределения жизненных благ, а также закономерные формы, в которых реализуются некоторые базисные социальные отношения.

В частности, они служат средством консолидации различных слоев и групп населения и осуществления фактического принципа распределения жизненных благ в соответствии с социальным положением людей. Государство, естественно, должно эти явления удерживать в каких-то рамках. Но заявлять о намерении полностью искоренить их — значит нападать на самые фундаментальные закономерности системы. Это правомерно на уровне морализаторства, пропаганды и карательных органов, но не на уровне высшего руководства страной.

Воображение западных людей поражает происходящая смена лиц в руководстве Советского Союза. Есть ли это признак какой-то качественной перестройки в советском обществе?

Ни в коем случае. Это есть обычная для совет-

ской системы форма смены руководства. Особенность данного случая состоит в том, что эта смена началась еще при Андропове. Ее не смог остановить и короткий рецидив брежневизма в лице Черненко. Так что Горбачев не начал этот процесс, а лишь продолжил его. Потому кажется, что он осуществляет его быстрее предшественников. К тому же этот процесс совпал с естественной сменой поколений.

Пройдет несколько лет, и „молодые” советские руководители, дорвавшись до власти, постареют. И они окажутся лицом к лицу с объективной реальностью, которую не изменишь постановлением ЦК и демагогическими лозунгами. Огромная страна с многомиллионным населением все равно будет жить так, как ей позволяют условия и законы социального бытия, а не так, как ей приказывают не в меру активные и тщеславные партийные карьеристы. Последние же наперегонки бросятся делать то, что делали их „старые” предшественники — украшать себя орденами, присваивать себе чины, произносить речи и удовлетворять свои собственные растущие материальные потребности.

Само собой разумеется, от возраста руководителей учреждений и предприятий страны кое-что зависит. Но так ли много на самом деле, как это кажется? Замена старых руководителей сравнительно молодыми сама по себе еще не гарантирует улучшения работы системы управления. Хорошая система может и со старыми руководителями работать хорошо, а плохая и с молодыми будет работать плохо. Чтобы система руководства работала более или менее хорошо, ее надо организовать так, чтобы она не зависела от индивидуальных качеств ее отдельных представителей.

Советскую систему власти и управления действительно можно несколько усовершенствовать. Но чтобы это было не кажущееся и не временное усовершенствование, необходимо первым делом отбросить марксистские идеологические и пропагандистские сказки и заняться объективно научным анализом общественного строя и его системы власти.

Тогда пришлось бы признать многое такое, что считается клеветой на советский общественный строй, и пришлось бы обнаружить сущность этого строя. Вот на это действительно нужно большое историческое мужество. Если бы горбачевское руководство пошло на это, оно обеспечило бы себе выдающееся место в истории.

Но способно ли оно на это? Никогда и ни при каких обстоятельствах никакое советское руководство не пойдет на такой шаг. И горбачевское руководство не исключение.

Подвергнув критике старое руководство и приписав ему грехи, в которых повинна сама система, горбачевцы забыли о том, что и они не вечны, что и их ожидает та же участь, что и их предшественников.

Общество трезвенников — вещь хорошая. Но его не создашь без трезвости интеллектуальной. Лучше трезвое руководство спивающимися людьми, чем опьяненное тщеславием реформаторов руководство трезвенниками.

Горбачевизм есть стремление заурядных, но тщеславных партийных чиновников перехитрить не только людей, но и объективные законы человеческого общества. Но он ни в коем случае не есть проявление некоей высшей разумности и даже здравого смысла. Горбачев говорит, что он любит советоваться с Лениным, то есть читать со-

чинения Ленина. Если уж он искренне хочет блага стране и народу, ему в первую очередь следовало бы забросить подальше сочинения классиков марксизма и советоваться с теми, кто действительно стремится к научному пониманию современности. Но судя по всему, в окружении Горбачева таких чудачков нет.

Статья пятая ВРАЖДЕБНОСТЬ НАУЧНОМУ ПОДХОДУ

Вопрос о научном понимании реального коммунистического общества заслуживает особого внимания в сложившейся ситуации.

Попытки объективного научного исследования коммунистического социального строя встречают сильнейшее противодействие как в Советском Союзе, так и на Западе. Причины такого противодействия в Советском Союзе вполне объяснимы: там научное описание коммунистического общества воспринимается как разоблачение фактической его сущности и вступает в непримиримый конфликт с государственной идеологией.

Научное исследование обнаруживает, что реальный коммунизм имеет мало общего с тем земным раем, который обещали коммунисты прошлого и который обещает советская идеология. Научное исследование обнаруживает, что коммунизм не устраняет неравенства людей, социальную несправедливость, эксплуатацию одних людей другими и прочие язвы социального бытия, а лишь меняет их формы и порождает новые язвы, которым предстоит стать вечными спутниками коммунизма.

Коммунизм приходит в мир как огромное искушение, принося с собой определенное улучшение условий жизни для миллионов людей. Но в истории ничего не дается даром и не проходит безнаказанно. За те преимущества, которые приносит людям коммунизм, они должны платить. И эта плата — новая форма закрепощения со всеми ее неотвратимыми последствиями. На пути в земной рай, обещанный идеологами, оказывается земной ад, в котором предстоит жестокая борьба за лучшие условия существования в течение жизни многих поколений. Само собой разумеется, советская идеология, имеющая целью апологетику своего общества, не может допустить такое его понимание.

Но и на Западе положение с научным подходом к коммунизму обстоит не лучше. И здесь о трезвости в оценке явлений жизни коммунистических стран теперь приходится только мечтать или вспоминать как о прошедшем. Здесь сложилось очень устойчивое представление о советском обществе, которое делает неустойчивым отношение западных людей к Советскому Союзу и к событиям, происходящим в нем.

Еще совсем недавно на Западе доминировало представление о Советском Союзе как о большом концентрационном лагере. Сочинения антисоветских авторов, разоблачавшие сталинские репрессии, были на Западе сенсацией. Сейчас же здесь господствует эйфория по поводу горбачевской перестройки. Забыты усилия многих людей, прошедших советскую школу, разъяснить Западу сущность советского социального строя. Забыты уроки прошлого. Теперь на Западе советским партийным функционерам доверяют больше, чем тем, кто выстрадал реалистическое понимание своего общества ценой собственной жизни.

Есть много причин для такого состояния умов на Западе. Я ограничусь лишь одним замечанием по этому поводу. Одна из особенностей западного понимания советского общества состоит в том, что в массе событий, происходящих в коммунистических странах, выделяются те, которые кажутся интересными и важными с точки зрения данной политической ситуации на Западе и в мире и с точки зрения средств массовой информации Запада.

Эти события рассматриваются и оцениваются в той системе понятий и критериев, которые являются привычными для способа мыслить западных людей, определяющих психологическую, идеологическую и интеллектуальную ситуацию на Западе, но которые лишены какого бы то ни было смысла в применении к советскому обществу или понимаются здесь совсем иначе, чем в применении к западным странам. Это касается, например, таких понятий, как „партия”, „профсоюзы”, „выборы”, „гласность”, „демократия”, „рентабельность”, „децентрализация”, „динамизм”, „самоуправление”, „частная инициатива” и т.д.

Этот подход конъюнктурен и неустойчив. Он позволяет высказывать верные суждения лишь случайно и без уверенности в том, что они верны. Он не дает надежных прогнозов. Он действует задним числом, постфактум. При этом забываются прошлые ложные или бессмысленные суждения. Совершившимся событиям дается новая, но столь же поверхностная или бессмысленная интерпретация. Советское общество при этом рассматривается по аналогии с западными странами или наподобие политических режимов стран „третьего мира”. Строятся иллюзии, будто советский „режим” можно изменить реформами сверху и вынудить поступать так, как это желательно лидерам Запа-

да. Западные представления о Советском Союзе отражают не столько советскую реальность, сколько состояние умов и чувств на самом Западе. Поэтому создается искаженный образ советского общества, несмотря на то что информация имеется в изобилии, а число лиц, занимающихся изучением Советского Союза, превышает десятки тысяч. Явление поистине поразительное! Чем больше Запад вкладывает средств в изучение Советского Союза, тем, кажется, меньше он его понимает. Желаемое принимается за действительное или по крайней мере за возможное. Грандиозные спектакли советского руководства, устраиваемые с целью одурачить Запад, воспринимаются как реальное преобразование советского общества. Запад жаждет быть обманутым. Советское руководство, изучив идейно-психологическую ситуацию на Западе, поставляет именно такой материал для обмана, какой соответствует современной форме стремления Запада к самообману. Наконец-то достигнута гармония между обманщиком и обманываемым.

Научный анализ советского общества обнаруживает, что советский социальный строй не есть всего лишь политический режим. Это есть новый тип общественного устройства, существенно отличающийся от тех, какие уже имели место в истории и имеют место в некоммунистических странах. Он имеет свои неотъемлемые качества и закономерности, которые не в силах отменить и даже изменить никакое руководство, никакие реформаторы, никакое давление извне.

Коммунистическое общество в Советском Союзе прошло стадию юности в сталинские годы. Оно вступило в стадию зрелости в хрущевские и брежневские годы. Оно уже превратилось в зрелый социальный организм. И в таком виде оно обречено

существовать века, если не будет разрушено или изуродовано какими-то внешними силами.

Конечно, отдельные переделки возможны и происходят на самом деле. Но они не меняют самого главного, а именно — фундаментальных закономерностей социальной системы. Советское руководство своей псевдореформаторской суетой может обмануть миллионы людей на Западе, да и то лишь при условии, что они сами хотят быть обманутыми. Но оно не способно обмануть объективные законы своего собственного общества. Оно детерминировано этими законами даже тогда, когда пытается уклониться от их принудительной силы.

Беспристрастный научный анализ внутренних механизмов коммунистического общества обнаруживает, что нынешние трудности в Советском Союзе не случайны и не временны. Они порождены самим социальным строем страны. И преодолены они могут быть лишь отчасти и лишь методами специфически коммунистическими, то есть методами, которые открыто применялись в сталинские годы и в завуалированной форме во все послесталинские годы. Нынешнее руководство утратило веру в надежность этих средств и боится, что их применение вновь обнаружит перед всем миром жестокую сущность коммунизма. Поэтому оно пытается преодолеть специфически коммунистические трудности западнообразными, некоммунистическими методами.

Уникально в сложившейся ситуации то, что именно высшее советское руководство фактически выражает теперь неверие в идеалы коммунизма и в специфически коммунистические методы организации жизнедеятельности общества и управления им.

Я несколько не удивлюсь, если советские диссиденты и руководители поменяются ролями и появятся диссиденты, которые будут обвинять горбачевцев в отступлении от идеалов коммунизма и настаивать на восстановлении норм коммунистического образа жизни.

Статья шестая ЗАМЫСЛЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

В советской системе власти и управления в прошлом уже четко обозначились два стиля руководства — сталинский и брежневский.

Сталинский, или волюнтаристский стиль руководства заключается в том, что высшая власть стремится насильно заставить население страны жить и работать так, как хочется вождям

Брежневский, или приспособленческий стиль руководства, заключается в том, что высшая власть сама приспособливается к объективно складывающимся обстоятельствам жизни населения.

Зародился этот стиль руководства еще в хрущевские годы. Но Хрущев не успел придать ему законченную форму, какую он приобрел при Брежневеве.

В реальности, конечно, совмещаются оба стиля. Лишь преобладание того или другого позволяет говорить о том или ином периоде власти как о волюнтаристском или приспособленческом по преимуществу. Хрущевское руководство было переходным от сталинского к брежневскому. Брежневское руководство лишь отбросило хрущевские нелепости и остатки волюнтаризма, выродившиеся в авантюризм.

Горбачевизм субъективно выступает с претензией на прагматический стиль руководства, но объективно он обещает стать попыткой возродить сталинистский волюнтаризм, но без сталинского энтузиазма, размаха и готовности пойти на любые меры и жертвы.

Горбачев не первый и не последний советский руководитель, который жаждет пришпорить советское общество, чтобы оно скакало вперед галопом. Только в отличие от предшественников, горбачевское руководство превратило это свое намерение в целую концепцию — концепцию ускоренного социального и экономического развития страны. Нет надобности доказывать, что эта „концепция” есть очередная идеологическая пустышка, свидетельствующая о полном творческом бесплодии советской идеологии.

Существенно здесь то, что советское общество уже не то, каким оно было во времена Сталина. При Сталине развитие страны началось почти что с нуля. Коммунистическое общество обладает способностью сравнительно быстро поднять хозяйство и культуру страны до определенного, оптимального для этой социальной системы уровня. Но в дальнейшем сама коммунистическая система становится ограничителем темпов развития.

В хрущевские и брежневские годы советское общество стало зрелым коммунистическим обществом. Объективные законы коммунистического социального строя вступили тут в полную силу. Советское общество скакать галопом уже не хочет и не может. Оно уже преподнесло урок одному нетерпеливому ездоку — Хрущеву, выбросив его из седла истории и обнаружив с полной очевидностью нелепость всех его реформаторских замыслов. Брежнев надолго удержался в седле толь-

ко благодаря тому, что отбросил шпоры и занялся удовлетворением своего маниакального тщеславия и appetитов членов своей мафии.

Намерения у Горбачева — сталинские, а возможности — брежневские. Многомиллионное общество со сложной системой хозяйства, управления и культуры — это не армия солдат, которым можно приказывать двигаться быстрее. Имеется множество „но”, которые накладывают свои ограничения и запреты на грандиозные замыслы горбачевцев.

Среди этих бесчисленных „но” особенно сильны те, что связаны с самой социальной структурой страны, с объективными закономерностями большого объединения людей, с системой власти и управления, взаимоотношениями в ней и в обществе в целом. Власть коммунистического общества далеко не всемогуща. Действия Генерального секретаря ЦК КПСС ограничены прочими членами Политбюро и аппарата ЦК. Действия партийного аппарата ограничены прочими учреждениями власти и управления. Распоряжения и призывы начальства ограничены условиями работы и жизни населения. Деятельность каждого учреждения и предприятия ограничена прочими учреждениями и предприятиями.

Если высшее партийное руководство призывает население прекратить пьянство и лучше работать, из этого не следует, что люди в массе своей прекратят пьянство и начнут работать так, как хочет начальство. Но если даже допустить, что масса трудящихся приняла решение работать лучше, из этого не следует, что ей удастся реализовать свое намерение.

Есть устойчивая организация масс населения и устойчивая организация деятельности учреждений и предприятий, которые не так-то легко изме-

нить. Даже маленькое изменение в гигантском механизме общества зависит от бесчисленного множества других частей этого организма. Дело тут не в отдельных бюрократах, которые не хотят изменений. Дело тут в совокупной системе социальных отношений, которая заставляет быть консервативными бюрократами всех, кто в ней должен функционировать. Добавьте к этому тот факт, что люди занимают различное положение в обществе, что их интересы не совпадают, а порою прямо противоположны. Система власти и управления тоже неоднородны. В ней постоянно складываются конфликтные ситуации. Чтобы удержаться в ней, надо думать о спасении не столько страны, сколько своей собственной шкуры, выдавая свои частные интересы за интересы целого.

В результате, главным оказывается не дело, о котором кричат, а его видимость: чтобы все выглядело так, как будто жизнь идет по заранее намеченному плану, в соответствии с принятыми решениями. Дело, конечно, делается. Но лишь частично. И не так, как хотелось бы и как сообщают в отчетах. Социальная система имеет свой потолок эффективности, который не в силах преодолеть никакое руководство.

Игнорирование всех упомянутых выше „но” извинительно моралистам и тем, кто имеет смутное представление о законах функционирования огромной социальной системы и не допускается даже на низшие ступени иерархии власти. Но когда люди, непосредственно занятые в системе власти и управления, игнорируют эти „но” и ведут себя так, как будто их демагогических призывов достаточно для радикальной перестройки жизни огромного общества, то это не более чем безответственный авантюризм, обман и очковтирательство.

Статья седьмая ЗАКОН УПОДОБЛЕНИЯ

Те проблемы, которые назрели в Советском Союзе, хотя и являются проблемами внутренними, возникли как результат взаимоотношений Советского Союза с Западом. Горбачевское руководство ставит задачу повысить производительность труда предприятий, повысить технологический уровень промышленности, усовершенствовать систему управления.

„Повысить”, „улучшить”, „усовершенствовать”, — а в сравнении с чем и с какой целью? Прогресс ради прогресса?

Нет, в серьезной истории так не бывает. Не будь Запада, состояние советской экономики и системы управления превозносилось бы в Советском Союзе как верх совершенства. Не будь Запада, жизненные условия населения в Советском Союзе превозносились бы как рай земной, почти как полный коммунизм. Запад — вот что в этом смысле является теперь мерилom и образцом для Советского Союза.

На самом деле задача нового советского руководства — добиться того, чтобы Советский Союз выглядел не так безобразно в сравнении с Западом, как он выглядит сейчас, укрепить советское общество во всех отношениях (и в военном в первую очередь), чтобы усилить его позиции в конкуренции с Западом и в противостоянии Западу. А сделать это в современных условиях можно лишь одним путем, а именно — уподобляясь Западу.

Запад стал таким же объективным фактором во внутренней советской жизни, как и Советский Союз в жизни Запада. Это обстоятельство наряду с положительными (с точки зрения советского ру-

ководства) последствиями несет с собой и последствия отрицательные, а именно — то, что в советской идеологии и пропаганде называют „тлетворным влиянием Запада”. Любое советское руководство в этих условиях так или иначе вынуждается проводить линию на сближение с Западом, хотя такое сближение имеет следствием известный ущерб самому социальному строю Советского Союза. Советские власти не в силах противиться этому сближению, поскольку и они подвержены действию объективного закона уподобления социальных феноменов.

Несколько лет назад устроили матч между чемпионом мира по карате и чемпионом мира по боксу (тогда это был Мухаммед Али). Все время, отпущенное на матч, чемпион по карате лежал на спине, держа наготове могучую ногу, одним ударом которой он мог убить лошадь. Чемпион по боксу танцевал вокруг него, играя могучими мускулами рук, которых было достаточно, чтобы тоже одним ударом убить ту же самую лошадь. Борьба так и не состоялась. Противники были несоразмерны.

Этот матч был устроен предприимчивыми людьми для развлечения праздной публики. Ну, а что произошло бы, если бы для чемпиона по карате и чемпиона по боксу реальное сражение было бы неотвратимо и если бы оно стало для них вопросом жизни и смерти? Очевидно, решающую роль в их борьбе сыграли бы какие-то другие качества, например, — способность долго обходиться без пищи и сна. Пойдем дальше и поставим вопрос так: а если бы эти противники заранее готовились к предстоящей борьбе? Тогда, надо думать, пришлось бы каратисту изучать приемы бокса, а боксеру пришлось бы усваивать приемы карате.

Закон взаимного уподобления противников, являющийся одним из частных случаев общего закона конвергенции, имеет полную силу и для социальной эволюции человечества. Он является не единственным законом эволюции. Он действует одновременно и совместно с другими законами. Действие его далеко не всегда очевидно. Чаще оно нейтрализуется и скрывается действием других законов, в особенности — закона дивергенции эволюционных линий. Однако было бы ошибкой игнорировать его.

Классическим примером тому может служить взаимное уподобление Германии и Советского Союза в период между первой и второй мировой войной. Что бы гитлеровская Германия ни предпринимала в Западной Европе, главным врагом для нее потенциально, а затем и актуально был Советский Союз. Ориентация на этого исторического противника существенным образом определила внутреннюю структуру и образ жизни германского общества тех лет. Советскому народу и руководству тоже было очевидно, что именно гитлеровская Германия является их историческим врагом номер один. И отрицать влияние этой ориентации на эволюцию советского общества было бы тоже бессмысленно.

Взаимное уподобление тут зашло настолько далеко, что западные мыслители стали рассматривать их как однотипные социальные явления, — как проявления некоего тоталитаризма. Глубокое качественное различие социальных систем отошло на задний план, что было одной из причин исторического поражения Германии. И не просто Германии самой по себе, а Германии как представительницы Запада в этом мировом конфликте, то есть поражения Запада в целом.

В этом случае общий социальный закон взаимного уподобления борющихся социальных объединений сработал в пользу Советского Союза. Уподобление сталинского режима гитлеровскому больше соответствовало природе коммунистического общества, чем уподобление гитлеровского режима сталинскому. Гитлеризм, несмотря ни на что, был явлением в рамках западной линии эволюции. В своем уподоблении сталинизму он зашел слишком далеко, нарушив меру приспособительности. И это тоже было одной из причин его поражения.

Признаков взаимного уподобления борющихся исторических противников заметны и в современном мире. Естественно, встает вопрос: в чью пользу работает и будет работать этот закон эволюции, — в пользу линии „Востока” или в пользу линии „Запада”?

Ситуация в мире после второй мировой войны изменилась настолько радикально, что ответ на этот вопрос уже не кажется столь очевидным, как в случае конфликта между гитлеровской Германией и сталинским Советским Союзом. Хочу особо подчеркнуть здесь, что речь идет не о соотношении сил и не о возможном исходе борьбы между „Востоком” и „Западом”. Перед нападением Германии на Советский Союз перевес сил, казалось бы, был на стороне первой, и исход борьбы, казалось, был предрешен в ее пользу. Речь идет лишь о направлении эволюции человечества.

Рассматриваемый закон может работать в пользу одной из борющихся тенденций эволюции, хотя это само по себе не есть гарантия того, что конкретные носители этой тенденции выйдут победителями в борьбе. Если бы Советский Союз был разгромлен в войне с Германией, это не означало бы, что эволюционный закон уподобления действовал

в пользу Германии. Он все равно действовал бы больше в пользу социальной системы советского общества.

Итак, как действует эволюционный закон уподобления в современной мировой ситуации? Нужно проделать огромное научное исследование, чтобы получить хотя бы более или менее достоверный ответ на этот вопрос. Я здесь хочу лишь обратить внимание на два фактора эволюции, один из которых действует на „Западе”, но в пользу „восточной” тенденции, а другой — на „Востоке”, но в пользу „западной”. И оба эти фактора связаны с главной проблемой современной истории, имя которой — война.

Ведущие страны мира так или иначе готовятся к новой мировой войне. Пусть они имеют целью предотвратить ее. Но они не в силах предотвратить последствия этого стремления для социальной эволюции. В современных условиях все то, что так или иначе связано с предполагаемой мировой войной, с необходимостью порождает в странах Запада гигантский социальный механизм, в который вовлекаются миллионы людей.

Последние образуют своего рода государство в государстве, обладающее всеми существенными признаками коммунистической организации. Эта многомиллионная организация людей уже существует и будет существовать десятки лет. Она добровольно не уйдет со сцены истории. В случае войны она захватит господство над обществом со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Но подготовка к новой мировой войне есть главная проблема и для стран советского (восточного) блока. При этом „Восток” вынужден принимать во внимание силу своего исторического врага — „Запада”, должен соревноваться с ним, упо-

добляясь ему. Перед первой мировой войной уподобление „Западу” способствовало развитию внутренних потенций нового коммунистического строя в Советском Союзе. Теперь эти потенции уже исчерпаны. Теперь уподобление Западу означает стремление насильно навязать стране образ жизни, не соответствующий природе ее социального строя. Какой бы пропагандистской демагогией советское руководство ни прикрывало свое стремление повысить эффективность учреждений и предприятий страны, укрепить трудовую дисциплину и улучшить всю систему управления, — оно тем самым стремится навязать стране западнообразные формы жизни. Закон уподобления враждующих социальных систем действует в Советском Союзе с первых дней его существования под лозунгом догнать и перегнать Запад во всем, что считается положительным с советской точки зрения. Вопрос в том — насколько это возможно при советском социальном строе.

Статья восьмая ДОГОНЯ ЗАПАД

По замыслу идеологов коммунизма, коммунистическое общество должно превзойти передовые капиталистические страны (Запад) по производительности труда, по экономической эффективности предприятий и вообще по всем показателям деловой жизни страны.

С первых же дней существования советского общества был выдвинут лозунг догнать и перегнать капиталистические страны в этом отношении. Предполагалось осуществить этот лозунг в крат-

чайшие сроки. Но прошло семьдесят лет, а лозунг „догнать и перегнать” не только не осуществился на деле, но стал казаться гораздо более утопическим, чем в первые годы после революции. Более того, его даже ослабили, оставив лишь первую часть — „догнать”. Изменилась несколько и его формулировка. Теперь говорят о том, чтобы подняться до высшего мирового уровня. Вторую часть лозунга („перегнать”) потихоньку опустили. (Как шутят советские люди, перегонять Запад не следует, так как в случае, если перегоним, наш голый зад всем будет виден.) Но даже в такой ослабленной форме лозунг „догнать” или „подняться” теперь выглядит, как намерение огромного исторического масштаба.

Уже при жизни Ленина коммунистический социальный строй стал обнаруживать свои врожденные пороки. Последние статьи и письма Ленина свидетельствуют о том, что он был близок к состоянию паники по этому поводу. Но он никак не мог допустить даже малейшего подозрения насчет того, что новорожденное коммунистическое общество не так совершенно, как оно представлялось в прекраснодушных мечтаниях идеологов.

Лозунг догнать и перегнать передовые капиталистические страны в экономическом отношении в сталинские годы казался более реальным, чем сейчас. Тогда все начинали с нуля, и в процентном выражении улучшение жизни в стране и ее успехи выглядели ошеломляющими. А „железный занавес” позволял создавать такое впечатление о жизни на Западе, что массы советского населения еще верили в декларируемые пропагандой лозунги. Во время войны и после нее миллионам советских людей открылось реальное соотношение экономики и уровня жизни СССР и Западе. Наступило отрезвление.

Хрущев и его либеральные помощники официально признали и без того очевидные недостатки советского общества и приняли решение осуществить перестройку всех аспектов жизни страны, более чем на четверть века предвосхитив горбачевское „новаторство”. Решили усовершенствовать работу предприятий, начав переводить многие из них на ту самую „самофинансируемость” и „самокупаемость”, о которых сейчас на весь мир трубят горбачевцы как об открытии в советской экономике.

В результате число нерентабельных предприятий возросло, и о лозунге „самокупаемости” забыли. Тогда употребляли словечко „хозрасчет”, являющееся сокращением для столь же бессмысленного выражения „хозяйственный расчет”. Усовершенствовали работу системы управления. Ввели некие „совнархозы” („советы народного хозяйства”), в результате чего бюрократический аппарат увеличился еще более. Делили, объединяли, перекombинировали и переименовывали министерства, комитеты, управления, тресты и т.п. А число бюрократов росло и росло. В те годы советские люди шутили: в ЦК КПСС принято решение разделить министерство железнодорожного транспорта на два — на министерство „туда” и министерство „обратно”.

Горбачевцы превзошли хрущевцев в отношении продуктивности высших органов власти в деле принятия решений по поводу повышения продуктивности дела. Вот, например, какие решения были приняты всего за два дня 19 и 20 августа 1987 года (а ведь в году 365 дней!).

Постановлением ЦК КПСС был создан особый журналистский фонд при Союзе журналистов СССР. Новая организация получила, как это принято,

сокращенное название Журфонд СССР. Итак, появилась новая бюрократическая организация — свидетельство перестройки, одной из целей которой является упрощение системы управления.

Совет Министров в тот же день принял решение о создании специальной редакции по выпуску литературы по теории, истории и практике деятельности средств массовой информации. Это — еще одна бюрократическая организация.

Еще более любопытное преобразование в эти же дни произошло в сфере управления архитектурой и градостроительством. Принято решение перестроить управленческий аппарат, ведающий перестройкой городов. А перестраивать бюрократический аппарат куда легче, чем города. Принято решение создать единую систему управления архитектурой и градостроительством. (Я что-то не видел в западной прессе восторгов по поводу этого свидетельства „децентрализации” советской системы управления.) Принято, далее, решение преобразовать Государственный комитет по гражданскому строительству и архитектуре (сокращенно — Госгражданстрой) в Государственный комитет по архитектуре и градостроительству (сокращенно — Госкомархитектура). Вот это перестройка! Раньше табуны паразитов процветали под вывеской „Госгражданстрой”, а теперь они будут процветать под вывеской „Госкомархитектура”. А насколько от этой перестройки улучшатся жилищные условия миллионов простых людей, принадлежащих к средним и низшим слоям советского общества, — это уже вопрос второстепенный.

В хрущевские годы сенсацию в Советском Союзе произвела идея, что начальники не должны сами затачивать карандаши, поскольку их драгоценное время и творческие силы нужны для более

важных дел. Напечатали по этому поводу миллионным тиражом брошюру привезенного из Америки менеджера. Кабинеты начальников украсились стаканчиками, наполненными карандашами, остро отточенными секретаршами. Спроектировали специальную машинку для затачивания карандашей. Дело ограничилось, конечно, проектами. Начальники же, освободив свои творческие силы от затачивания карандашей, бросили их на усиленное взяточничество и карьеристские интриги.

Любопытно, придумают ли нечто аналогичное горбачевцы? Наверняка придумают. Скорее всего, они украсят кабинеты начальников компьютерами, сворованными на Западе, дабы начальники бросили свои творческие силы на ускоренное продвижение по служебной лестнице и на перестройку в системе коррупции.

В брежневские годы советское общество вступило в стадию зрелости и обрело здравый смысл в отношении нелепого лозунга „догнать и перегнать”. В эти годы было сделано важное открытие: зачем догонять Запад, если его можно и без того заставить служить делу коммунизма?! Для этого достаточно создать мощную армию, способную шантажировать страны Запада, создать сверхмощную сеть агентов и шпионов, способную снабжать Советский Союз новейшими западными достижениями в науке, технике и индустрии, развить международную активность Советского Союза во всех сферах жизни человечества и во всех уголках планеты.

Эту ориентацию страны еще в брежневские годы возглавил „западник” Андропов, контролировавший всю советскую деятельность на Западе и по эксплуатации Запада в интересах СССР.

К концу брежневского правления в Советском Союзе и в мире сложилась такая обстановка, что

СССР уже не мог продолжать успешно конкурировать с капиталистическим Западом и готовить ему могилу без систематической и всесторонней помощи самого Запада и без завоевания симпатий общественного мнения и деловых кругов Запада. Андропов подготовил все необходимые предпосылки для решения этой проблемы.

К концу брежневского периода выяснилось также, что за счет лишь одной эксплуатации Запада и других стран планеты назревшие в стране трудности не преодолеешь и в борьбе против Запада преимущества долго не сохранишь. Нужны какие-то преобразования в самой стране, чтобы сделать само советское общество более динамичным, деловым, продуктивным, вполне сопоставимым с деловой точки зрения с передовыми капиталистическими странами. И лозунг „догнать”, когда-то игравший чисто идеологическую роль и о котором вроде бы позабыли, вновь возник как практическая, жизненно важная потребность. Стало необходимо не только декларировать намерения, но и что-то на самом деле предпринимать для их осуществления.

Советское общество всю свою историю металось и продолжает метаться между двумя крайностями — между отторжением от Запада и преклонением перед Западом. Первая крайность выразилась в создании „железного занавеса” в сталинские годы. Вторая крайность отчетливо обнаруживается сейчас в горбачевской перестройке.

Запад сегодня стал мерилом и образцом для преобразований, которые пытается осуществить горбачевское руководство. Но при этом оно намерено догонять Запад не за счет специфически коммунистических методов развития экономики, а за счет методов, заимствованных у Запада. Так что

фактически складывается противоречивая ситуация. Коммунистические методы преодоления трудностей и решения специфически коммунистических проблем оказались очевидным образом непригодными для того, чтобы догнать Запад.

Вместе с тем, Советский Союз, как заявил в одном из выступлений один из высших советских руководителей Е.Лигачев, „не отойдет от социализма в сторону рыночной экономики, идеологического плюрализма и западной демократии”. Хотя Лигачев и считается противником Горбачева, он выразил общее мнение советского руководства (и Горбачева в том числе), соответствующее советскому социальному строю и уже привычному образу жизни населения. Это противоречие обрекает политику „догона” Запада на политику лишь подражания Западу.

Подражание Западу в Советском Союзе совсем не затрагивает основ общества. Оно либо касается пустяков, либо ограничивается лишь разговорами. И вообще оно часто бывает достойно смеха. Ввели, например, чековые книжки. И это в стране, где подавляющее большинство людей имеет в своем распоряжении мизерные средства, которых на самом примитивном уровне хватает, как говорится, „от полочки до полочки”. И это в стране, где магазины пусты, а деньги лишь по форме имеют нечто общее с валютой западных стран. Есть, конечно, люди, у которых имеются большие деньги. Но чаще всего они скрывают источники своих доходов во избежание конфликтов с законом. Лишь небольшая часть граждан из высших и привилегированных слоев может воспользоваться этим новшеством. Но эти слои прекрасно обходились и без него. Были бы деньги!

Уродливые формы, которые принимает подра-

жание Западу в области культуры и быта, а также в молодежной среде, не поддаются описанию. Западные средства массовой информации, которые смотрят на советскую жизнь вообще свысока и стремятся поощрять эти явления, в глубине души надеясь, что это ведет к разложению советского общества, тщательно скрывают фактическое положение в этом отношении. Лишь по потере интереса к явлениям такого рода и отдельным замечаниям между строк западные люди могут догадываться о провале таких подражаний.

Одно время в советской прессе заговорили о неких „неформальных” организациях. Устраивали даже их совещания. И даже делали шаги в сторону их „легализации”. В западной прессе, конечно, похлопывали горбачевцев по плечу в этом начинании, усматривая в нем движение в направлении западной демократии. Мол, и в Советском Союзе появляется все то, что есть на свободном Западе! И никому в голову не пришло проанализировать чудовищную лицемерность и карикатурность этих подражаний Западу. Разумеется, шумиха с „неформальными” организациями постепенно заглохла.

Но становится совсем не смешно, а жутко, когда речь заходит о вещах более важных. Одним из неизбежных условий и следствий высокой экономической эффективности на Западе является безработица. Естественно, встает вопрос о том, каковы возможные перспективы Советского Союза в этом отношении. Одно из преимуществ коммунизма перед капитализмом — ликвидация безработицы, гарантированная работа. Но за это благо приходится платить высокую плату: снижение производительности труда, экономическая неэффективность предприятий, плохое качество продукции, низкая зарп-

лата, принудительный труд. И все же гарантированная работа даже при этих условиях есть благо.

Естественно, повышение экономической эффективности предприятий по западным образцам ставит вопрос о мерах по обеспечению полной занятости трудящихся. Что же предлагают советские специалисты и руководящие органы по этим вопросам?

Например, снижение пенсионного возраста, что на деле означает снижение жизненного уровня для огромного числа людей. Но главная мера — тем, кто „высвободится” в результате сокращения числа трудящихся на тех или иных предприятиях, придется менять профессию и местожительство. Специальные органы будут заниматься их переобучением и распределением по стране. А это на деле означает принудительное трудоустройство со всеми его кошмарами.

Советские люди теперь воспринимают лозунг „догнать Запад” или „подняться на высший мировой уровень” прежде всего как создание таких бытовых условий, какие, как им кажется, имеются на Западе. Но они вовсе не хотят создания таких условий труда, благодаря которым на Западе создается высокий уровень жизни. Они хотят невозможного, а именно — сочетания благ западного общества и благ коммунистического общества, но без недостатков как того, так и другого. А если им придется выбирать что-то одно, то они предпочтут блага своего общества с его недостатками, а не западного.

Впрочем, они этот выбор уже сделали и делают его всем образом своей жизни, обрекая горбачевскую перестройку на роль очередного руководящего спектакля. Удадутся реформы или нет, это существенной роли не играет. Если удадутся, жизнь

в Советском Союзе не изменится существенным образом. Социальный строй, система власти и управления и идеология останутся незыблемыми. Производительность труда, эффективность предприятий и уровень жизни останутся на том же уровне, который органически присущ данному социальному строю. Если и произойдут какие-то улучшения, то не благодаря реформам как таковым, а благодаря помощи и эксплуатации Запада. Но это улучшение не может быть продолжительным. Снова возникнут старые проблемы. К ним добавятся новые. И советское руководство рано или поздно будет вынуждено открыто и в больших масштабах прибегать к тем методам, которые соответствуют природе коммунизма и которые не раз были испытаны в советской истории. И от горбачевского подражания Западу останется лишь одно насмешливое воспоминание.

Статья девятая ДИНАМИЗМ И КОНСЕРВАТИЗМ

Горбачевское руководство хочет сделать советскую жизнь более динамичной, преодолеть застой брежневского периода. Прежде чем порицать или поощрять это намерение, полезно принять во внимание следующее.

Советские люди, оказываясь на Западе, в массе своей обнаруживают поразительное равнодушие и даже враждебность ко всякого рода изменениям в обществе, в особенности к тем, которые как-то связаны с „левыми”, „красными” и прочими „прогрессивными” идеями и движениями. Это явление кажется весьма странным. Советские люди совер-

шили самую радикальную социальную революцию в истории человечества. Они вырастают и постоянно живут в атмосфере самых „передовых” и „прогрессивных” идей. В качестве героев их детства и юности им навязываются реформаторы и революционеры прошлого, первооткрыватели в науке, изобретатели в технике, новаторы в культуре. Советская идеология и пропаганда изо дня в день и из года в год внушают советским людям мысль о том, что они идут во главе стремительного мирового революционного процесса. Советский Союз во всем мире поддерживает стремления к социальным переменам и преобразованиям. И вот, вопреки всему этому советские люди, попадая на Запад, проявляют такой консерватизм, в каком даже самые закоренелые западные консерваторы боятся признаться себе.

Этот феномен консерватизма, если не всех, то хотя бы значительной части советских людей, дает достаточно серьезный повод для того, чтобы критически пересмотреть привычные представления о соотношении консерватизма и стремления к переменам (буду называть это динамизмом) в современном обществе.

Есть обстоятельства, которые способствовали и способствуют консерватизму советских людей, но которые все же явно недостаточны для его объяснения. Вот они. Великую революцию в России и все основные послереволюционные преобразования осуществили не советские люди, а их предшественники, то есть люди досоветские. Советские же люди, в строгом смысле этого слова, явились результатом этих преобразований. Предшественники советских людей не имели ни малейшего представления о тех реальных последствиях, к каким в конечном итоге приведет их беспрецедентный исто-

рический динамизм. Их наследники, то есть люди уже советские, на себе познают, к чему ведет безграничная революционность и „прогрессивность” преобразований. Они по горло сыты идеями прогресса и воспринимают их как лживую пропаганду.

Стремление к социальным переменам за рубежом стимулируют не сами массы советских людей, а те из них, кто занят этим профессионально. Массы к этим переменам равнодушны, поскольку они касаются не их самих. Все то, что советская идеология обещает советским людям как результат будущего движения общества к „полному” коммунизму, советские люди видят на Западе как результат прошлого развития капитализма. Они шутят по этому поводу: капитализм гниет, но хорошо пахнет. Попав на Запад, советский человек сталкивается первое время лишь с внешним изобилием всего того, о чем мечталось в Советском Союзе. Он боится, что дальнейшие изменения в странах Запада приведут к потере всех тех благ, которыми Запад уже обладает. И ему хочется воскликнуть: „остановись, мгновенье, ты прекрасно!”

Само собой разумеется, это мгновение кажется прекрасным лишь одно мгновение. И если бывший советский человек не устраивается на Западе на уровне по крайней мере среднего благополучия, он испытывает разочарование. Но — уже как отщепенец советского общества, а не как человек советский. Но и при этом он, как правило, не перестает быть социально консервативным и не умножает ряды тех, кто стремится преобразовать западное общество.

Советские люди, однако, в массе своей консервативны не вследствие исторических сопоставлений и не вследствие сопоставления своих условий жизни с западными. Эти сопоставления играют

не только негативную, но и позитивную роль в том, что они в общем и целом принимают свой образ жизни. Советские люди в массе своей консервативны в силу самих объективных условий их жизни и деятельности в рамках коммунистической социальной системы.

Коммунистическое общество организовано так, что усилия и риск, связанные с динамизмом, не дают независимо от уровня социальной иерархии никаких преимуществ; не окупаются, а чаще всего имеют следствием потери и неприятности. Люди, склонные к динамизму, встречают прежде всего враждебное отношение к себе со стороны консервативного всесильного большинства.

Число таких склонных к динамизму людей сравнительно невелико. Власти редко оказывают им поддержку. Да они, в принципе, и не заинтересованы в этом. И какие бы лозунги ни выдвигало советское руководство, какие бы реформы оно ни осуществляло с намерением сделать жизнь общества более динамичной, в качестве основного врага своих намерений оно имеет консервативные массы населения и консервативное большинство чиновников в своих собственных рядах.

Консерватизм советского общества и массы советских людей с колоссальной силой обнаружил себя в брежневские годы. Положение в стране сложилось такое, что в интересах самосохранения общества к высшему руководству в стране было допущено динамично настроенное меньшинство во главе с Андроповым, а затем, после короткого рецидива брежневизма (период Черненко), — во главе с Горбачевым.

Коммунистическое общество принадлежит к такому типу социальной организации, в которой динамизм, необходимый для самосохранения об-

щества, привносится в общество в виде реформ сверху и навязывается массе населения насильственно. На примере горбачевского руководства мы будем иметь возможность отчетливо наблюдать соотношение консерватизма и динамизма, характерное для общества коммунистического типа.

Горбачевское руководство может сделать советское общество несколько более динамичным только ценой невероятных усилий сверху, строгих мер со стороны карательных органов и поддержки наиболее активных и деловых граждан в борьбе против своих же собственных соотечественников. Основная масса населения (начиная от рядовых граждан и кончая руководителями на всех уровнях) будет делать все от нее зависящее, чтобы ограничить реформаторскую деятельность горбачевцев и свести ее результаты к минимуму, устраивающему всех. И она имеет больше шансов на успех, чем реформаторы.

Скорее всего, и само горбачевское динамичное меньшинство так или иначе приспособится к обстоятельствам, и динамизм его выродится в пустую формальность. Зрелое коммунистическое общество по преимуществу консервативно.

Статья десятая ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА

Горбачевское руководство намерено поднять производительность труда, качество продукции и эффективность производства на высший мировой уровень. Насколько реалистична эта претензия?

Ответить на этот вопрос однозначно невозможно, так как ответ на него зависит от множества различных обстоятельств, которые принимаются во внимание. Если мы, например, будем рассматривать горбачевскую претензию буквально, а не как идеологическую фразеологию, то мы получим один ответ. Если же мы за этой идеологической формой увидим какую-то реальную потребность советского общества, осуществимую на советский манер, то ответ будет иной.

Измерять эффективность производства в одной стране и сравнивать различные страны можно различными методами.

Можно в качестве материала для измерения и сравнения взять отдельного среднего рабочего данной профессии, отдельное среднее предприятие или отдельную отрасль промышленности. Но можно взять и общество в целом. Можно измерять и сравнивать по одному признаку и можно по многим. Можно выбрать различные промежутки времени. Можно преследовать при этом различные цели. Одно дело — подходить к проблеме с точки зрения конкуренции на мировом рынке, и другое дело — с точки зрения возможности выживания в будущей войне.

Короче говоря, при всей, казалось бы, очевидности и ясности новой горбачевской формулировки старой претензии суть дела остается совершенно неопределенной. Добьется советское руководство успехов в осуществлении своей претензии или нет, ответ на этот вопрос всецело зависит от интерпретации тех, кто будет искать на него ответ. Если Горбачев удержится у власти, то советская пропаганда любой результат представит как блестящее осуществление этой претензии, а недоброжелатели — как ее провал.

Гораздо больший интерес с научной точки зрения представляет другой вопрос: почему проблема эффективности производства вообще встает перед советским руководством?

Бесспорно, были исторические причины отставания советской экономики от передовых стран Запада. Бесспорно, предшествующее советское руководство допустило ряд ошибок. Но было бы крайне поверхностно и крайне недостаточно оттаивать на этом.

Главная причина возникновения самой этой проблемы в советском обществе заключается в самих его базисных (употребляя марксистскую терминологию) отношениях. Базисные отношения — это отношения, которые определяют собою все прочие в данном обществе, которые являются господствующими.

Экономические отношения имеют определяющий характер (базисный) лишь в одном типе общества, а именно — в капиталистическом. Поэтому в капиталистическом обществе вообще не возникает проблема эффективности производства, — здесь эффективность производства обеспечивается самими базисными отношениями общества.

Базис коммунистического общества образуют не экономические отношения, а отношения (как я из называю) коммунальные, то есть отношения между людьми, возникающие в больших объединениях в силу необходимости из поколения в поколение существовать и трудиться как единое целое, — отношения организации людей в единое социальное целое.

Экономические отношения здесь производны от коммунальных, зависят от них. Поэтому в коммунистическом обществе имеют место такие странные (с точки зрения понятий общества капиталис-

тического) явления, как, например, существование экономически неэффективных предприятий, отсутствие безработицы, политика цен вместо экономики цен.

Из самих базисных отношений коммунистического общества с необходимостью вырастает сильнейшая тенденция к застою именно в сфере производства, тенденция к снижению эффективности всех форм трудовой деятельности.

В силу самих фундаментальных условий жизнедеятельности здесь эффективность работы отдельных людей, групп, предприятий и учреждений оказывается в ничтожно малой степени зависимой от личных усилий, от предприимчивости и способностей, от риска и других явлений, делающих производство таким динамичным в капиталистическом обществе. У людей просто не возникает личной заинтересованности в повышении эффективности производства в больших масштабах и на длительный срок. Все личные попытки такого рода скоро разбиваются о тотальную систему организации общества, в которой доминирует не конкуренция и свободное предпринимательство, а взаимное связывание и взаимное препятствование.

Статья одиннадцатая СОЦИАЛЬНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

При рассмотрении проблемы эффективности производства в коммунистическом обществе надо различать эффективность экономическую и социальную. Последняя является здесь определяющей.

Понятие социальной эффективности характеризует производство данного общества как единое целое, причем с точки зрения интересов его базисных отношений и функционирования общества как единого социального организма. Экономическая эффективность производства — лишь один из многих факторов, от которых зависит социальная эффективность производства данной страны.

Если рассматривать советскую историю исключительно с точки зрения экономической эффективности, то она будет выглядеть как цепь нелепостей и глупостей руководства. Тогда глупостью (и даже преступлением) будет выглядеть и коллективизация сельского хозяйства, и методы индустриализации страны в сталинские годы. Тогда становится совершенно необъяснимым тот факт, что все попытки советского руководства осуществить реформы экономики по западным образцам систематически терпели крах.

В этом смысле и горбачевское руководство не будет исключением, если оно своевременно не подчинится объективным законам своего социального строя и не встанет на путь использования специфических возможностей своей собственной системы, отказавшись от бесперспективного подражания капиталистическим странам Запада.

Социальная и экономическая эффективность общества не совпадают. Общество может иметь высокую степень социальной эффективности при сравнительно низкой экономической эффективности, и наоборот.

Коммунистическое общество имеет более высокую степень социальной эффективности сравнительно с капиталистическим, но более низкую степень экономической эффективности. Причем в из-

вестных пределах высокая степень социальной эффективности препятствует росту экономической эффективности, и наоборот.

Общество не может выгадывать во всех отношениях. Выгадывая в чем-то одном, оно теряет в чем-то другом. Общество, например, не может иметь высокую степень экономической эффективности без безработицы и риска, ведущего к банкротству низкоэффективных предприятий. В социальную же эффективность, наоборот, входит способность существовать без безработицы и без ликвидации экономически нерентабельных предприятий.

Коммунистическое общество имеет беспрецедентную в истории возможность манипулировать экономикой страны в целом. Но за это оно платит определенную цену, а именно — теряет в отношении экономической эффективности составных частей экономики. Здесь экономическая эффективность отдельных частей в гораздо большей степени зависит от интересов целого, чем социальная эффективность целого — от интересов частей.

Оптимальное соотношение интересов целого и частей не есть раз навсегда установленное состояние. Оно зависит не только от мудрости руководства страной. Это — живой исторический процесс, в котором имеет место как стремление к оптимальному состоянию, так и стремление уклониться от него.

Отыскание некоторых устойчивых норм для этого сочетается со столь же неизбежным отклонением от установленных или от желаемых норм. Когда горбачевское руководство сваливает вину за тяжелое состояние советской экономики на предшественников, оно обнаруживает боязнь признать то, что фундаментальные закономерности

советского общества порождают не только добро, но и зло.

Коммунистическое общество, повторяю, характеризуется не понятием экономической эффективности, а понятием социальной эффективности. Последняя определяется многими факторами. Помимо упомянутой выше способности общества обеспечить работой максимальное число граждан и сохранить экономически нерентабельные предприятия, приносящие какую-то пользу, можно в качестве примера упомянуть еще способность ограничивать или вообще не допускать избыточные предприятия и сферы производства, без которых страна, в принципе, может жить на терпимом уровне.

В наше время одним из важнейших показателей социальной эффективности общества является степень его готовности к новой мировой войне и степень способности выжить в этой войне. С этой точки зрения советская бедность имеет не только недостатки сравнительно с западным богатством, но и достоинства.

В частности, это — преимущества централизованной управляемости, которая становится одним из важнейших факторов выживания.

Высокая экономическая эффективность производства на Западе необходимым образом связана с безработицей и интенсификацией труда. Чтобы поднять экономическую эффективность советских предприятий до западного уровня, надо уволить миллионы трудящихся различных категорий и заставить тех, кто остался, работать более напряженно.

Но трудоустройство безработных, обеспечение их необходимыми жизненными благами и более высокая оплата за более напряженный труд, — на

это советское общество еще не имеет достаточных средств. А принудительное трудоустройство безработных вызовет массовые протесты и такую атмосферу в среде рабочих, которая сведет на нет все преимущества более интенсивного труда. В том-то и дело, что экономически выгоднее оставить все, как есть, чем становиться на путь следования западным образцам. В условиях коммунизма экономическая неэффективность порою оказывается даже экономически выгоднее для общества.

Коммунистическое общество, будучи по природе низкоэффективным экономически, способно развить высокую степень социальной эффективности. Стремясь заставить советское общество жить по западным критериям экономической эффективности, горбачевское руководство игнорирует преимущества своей системы в отношении социальной эффективности. В результате оно не преодолевает возникшие трудности, а лишь отодвигает их в будущее и порождает новые, более глубокие трудности, которые скажутся в ближайшие годы. Но советское общество так или иначе находит выход из положения. Делая вид для отчетов начальству, будто горбачевские установки воплощаются в жизнь, миллионы советских людей ведут себя фактически так, как их вынуждают объективные условия.

Статья двенадцатая
**КОММУНИСТИЧЕСКИЕ
МЕТОДЫ В ЭКОНОМИКЕ**

В Советском Союзе назрела острая потребность как-то приостановить и ослабить свойствен-

ную коммунистическому обществу тенденцию к застою, как-то улучшить работу предприятий и учреждений страны в интересах самосохранения общества. И средства для этого советское общество уже выработало и неоднократно испробовало. Эти средства суть средства неэкономические. Никаких других средств, которые как по волшебству позволили бы изменить ситуацию в стране в желаемом направлении и в кратчайшие сроки, советское общество не имеет и в принципе иметь не может.

Что это за средства?

Это — принуждение к трудовой деятельности всех трудоспособных граждан, система тотального контроля и карательные меры, эксплуатация способностей людей за мизерное вознаграждение, сведение потребностей населения и средств их удовлетворения к необходимому минимуму, минимизация сферы обслуживания, исключение избыточных сфер производства, идеологическая обработка, создание привилегированных условий для особо важных отраслей науки, техники и промышленности (особенно — военной) за счет других отраслей, использование ресурсов Запада и стран советского блока, наконец, — массовые репрессии и полурабский труд миллионов людей (студенческие трудовые отряды, посылка горожан на уборочные работы в деревню, использование солдат и заключенных). И лишь в последнюю очередь и в крайне ограниченных масштабах используются экономические стимулы, похожие на те, которые являются основными двигателями экономики стран Запада. Но только похожие на них, но не те же самые.

Так называемые материальные стимулы — это стимулы вещественные, но не экономические. Сло-

во „экономические” многосмысленное. Оно употребляется как научный термин для обозначения определенных социальных явлений, характеризующих тип общества, и как слово обычного языка, обозначающее какие-то явления, встречающиеся во всех обществах. Материальные стимулы имеют так же мало общего с экономическими стимулами, как советские деньги с деньгами в обществе капиталистическом. Тут принципиальное различие гораздо важнее, чем внешнее сходство. Горбачевцы не только оказались неспособными породить новые глубокие идеи, но даже понять идеи на этот счет, имеющиеся в классическом марксизме. Я не удивлюсь, если когда-нибудь в Советском Союзе их будут критиковать за ревизию основополагающих принципов марксизма.

Советское руководство имеет возможность улучшить экономическую ситуацию в стране, заставить людей, предприятия и учреждения работать немного лучше, чем раньше. Но эти улучшения ни в коем случае не будут означать некий ускоренный процесс экономического развития и повышение экономической эффективности производства.

„Ускоренное развитие” есть идеологическая пустышка, поскольку нет точных и общепризнанных методов измерения соответствующих величин. Люди, предприятия и учреждения могут работать лучше, но степень экономической эффективности производства может при этом быть той же и даже снижаться. Страна может производить больше и лучше при низкой степени экономической эффективности производства, повышая степень социальной эффективности всеми доступными средствами.

Советский Союз, например, добился в свое время выдающихся успехов в космических исследованиях. Но чего это стоило советскому общест-

ву!? Так будет обстоять дело и с программой преобразований, выдвинутой горбачевским руководством.

Успехи возможны, но ценой таких затрат и таких потерь, которые сведут степень экономической эффективности до минимума. Мировой уровень производительности общественного труда и эффективности производства в западном смысле (т.е. в смысле экономической эффективности) недостижим для советского общества в обозримом будущем, то есть пока существуют капиталистические страны Запада.

Статья тринадцатая ПРОБЛЕМА РЕНТАБЕЛЬНОСТИ

Горбачевское руководство намеревается сделать советские предприятия рентабельными. И кое-что делается в этом направлении. Так, вводится система „самофинансирования” („самоокупаемости”, „хозрасчета”) и угроза закрыть нерентабельные предприятия.

Не буду утруждать читателя анализом системы „самофинансирования”. Это — беспомощная попытка решать неэкономические проблемы экономическими методами. Причем, чем более убога она серьезными идеями, тем сложнее (вернее, запутаннее) она выглядит с „экономической” точки зрения. Остановлюсь коротко на угрозе закрыть нерентабельные предприятия. Исполнение этой угрозы не требует большого ума. Достаточно и волевого решения. На этой мере хорошо видна суть одного из аспектов горбачевской экономической политики, ее возможности и последствия.

Последствия очевидны: безработица. И уже в прессе появились сообщения на этот счет. Не будем преувеличивать эту опасность. В Советском Союзе она не дойдет до таких размеров, как на Западе, — не допустят. Но даже в малых размерах это — опасность для коммунистического строя.

Я уже говорил о мерах, какие предлагают горбачевские советники для трудоустройства людей. Даже одно только сознание возможности безработицы подрывает одну из самых привлекательных основ коммунизма — гарантию трудоустройства.

Но поставим вопрос: а по каким критериям определяется рентабельность предприятий и кто это делает?

В Советском Союзе все сто процентов предприятий нерентабельны, если к проблеме рентабельности подходить со строго экономическими критериями современной мировой экономики. Следовательно, слова „рентабельность” и „нерентабельность” тут лишь маскируют что-то иное.

Из ста процентов экономически нерентабельных предприятий для закрытия будут выбраны (и уже выбираются) лишь некоторые, которым предстоит роль козлов отпущения. И выбор их будет произведен властями с учетом других аспектов дела, причем совсем неэкономических. Будут ли отобраны для закрытия военные предприятия, нерентабельность которых очевидна априори? А предприятия, связанные с космическими полетами? А химические и металлургические комбинаты? А сельскохозяйственные предприятия?

Когда дело доходит до принятия практических решений, то подавляющее большинство предприятий и учреждений страны сумеет доказать свою нужность для общества, — они на самом де-

ле рентабельны, хотя и не экономически. Лишь в отношении ничтожной части предприятий и учреждений будет возможно принять решение о их ликвидации, ибо их ликвидация не меняет заметным образом положение в данном районе страны или в стране в целом. Тем самым решается множество проблем, но не тех, какие имелись в виду в первоначальном словесном замысле.

Начальство всех уровней изображает деятельность по перестройке. Создается видимость модернизации экономики по западным образцам. А „высвободившиеся” люди и средства так или иначе „рассасываются” в сохранившейся системе, восстанавливая статус-кво в несколько иной форме.

Статья четырнадцатая **ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ И ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ**

Многие видят причину экономического застоя в Советском Союзе в якобы чрезмерной централизации управления экономикой. Но централизация не есть специфический признак коммунизма, как децентрализация не есть признак капитализма. Во всяком развитом обществе действуют обе тенденции — к централизации и к децентрализации. В советском обществе тоже.

Эти тенденции сами по себе ни разрушают, ни укрепляют общество. Они выражают лишь переструктурирование (перераспределение „точек” управления) в рамках одной и той же системы. Какая бы из этих тенденций ни преобладала, общий эффект системы так или иначе остается.

Тут действует своеобразный закон сохранения эффективности. Выигрыш в одном отношении неизбежно ведет к потерям в другом отношении. Оптимальный вариант не может быть установлен раз и навсегда. Он устанавливается на короткий срок, причем — в результате проб и ошибок, в борьбе различных сил.

Что является наиболее существенным для коммунистического общества с точки зрения соотношения централизации и децентрализации? Не соотношение этих аспектов как таковых, а общее соотношение системы управления и управляемого ею материала.

Здесь в силу самих базисных социальных отношений не столько система управления приспосабливается к управляемому материалу, сколько этот управляемый материал — к системе управления. Коммунистическая система управления есть прежде всего система управления людьми. И лишь через людей она есть система управления вещами и материальными процессами. Тут есть свои правила и свои ограничения.

Основная задача системы управления — удерживать управляемый материал в границах управляемости. Так что здесь сама система управления содержит в себе ограничения на экономический и любой другой процесс. Вследствие необходимости считаться с существованием Запада и под его влиянием Советский Союз вынужден усложнять все основные аспекты своей жизнедеятельности. Этот процесс уже нарушил рамки, допустимые возможностями и свойствами системы власти и управления.

Коммунистическая система управления наиболее отчетливо проявляется в центральном планировании всех основных аспектов жизнедеятель-

ности общества. Вот что я писал по этому поводу в книге „Коммунизм как реальность”. По поводу планирования в коммунистических странах сказано и написано столько, что, кажется, уже и добавить ничего стоящего нельзя. Апологеты превозносят плановый характер коммунистического хозяйства до небес. Критики иронизируют, отмечают фиктивный характер планов, невыполнение их, жестокие меры для их выполнения. Но суть планирования упускают из вида как те, так и другие.

Верно, что в планах много нелепого, что они во многом фиктивны и служат пропаганде, что они часто не выполняются, что вместо запланированного делается другое.

Однако это ничуть не противоречит тому, что планирование есть неотъемлемый атрибут коммунистического общества. Планирование есть принудительная форма деятельности государства по сохранению единства общественного организма. Реальная жизнь общества, несмотря ни на что, тяготеет к планам как к некоторому идеалу или норме. Планирование устанавливает обязанности предприятий и учреждений страны, включая их тем самым в единый социальный организм. План определяет статус учреждений и предприятий, а выполнение плана является показателем их деятельности. Не конкурентноспособность, не чисто экономическая норма прибыли, а именно соотношение плана и фактической деятельности коммуны является здесь решающим.

Потому начальство всех уровней и сортов прилагает систематические усилия к тому, чтобы предприятия и учреждения действовали в рамках плана. С чисто экономической точки зрения они могут работать в убыток, но это не ведет к их лик-

видации. Они дают средства существования определенному числу людей, выпускают какую-то положенную им продукцию, и это оправдывает их существование.

И государство, принуждая их действовать в установленных для них рамках, гарантирует им средства существования для их членов, материалы для деятельности, сбыт продукции. Им предоставляется самостоятельность лишь в рамках плана. Всякого рода рационализации, почины, новаторства, движения за перевыполнение плана, за досрочное выполнение плана, за экономию и т.п. — суть на самом деле лишь средства удерживать их в рамках общего плана, подгонять их до уровня плана, компенсировать невыполнение плана одними за счет других.

Фактическое положение в обществе не так уж гармонично, как это кажется на бумаге и в пропаганде. На самом деле „гармония” достигается очень дорогой ценой, за счет огромных потерь и нелепостей, лишь как доминирующая тенденция в массе других, толкающих общество к хаосу и неподконтрольности. Причем сама система планирования порождает тенденцию, прямо противоположную той, которую по идее должно укреплять именно планирование.

Благодаря последнему судьба по крайней мере огромной части граждан общества и учреждений не зависит от сбыта их продукции. Их задача — лишь бы произвести какую-то продукцию, достаточную для отчетов. Предприятия и учреждения изобретают различные средства обмана властей и очковтирательства. Постоянно наращивается фиктивное выполнение планов при одновременном фактическом невыполнении. Плюс к тому — постоянные трудности, в которые вовлека-

ет страну ее центральное руководство и которые вынуждают пересматривать планы, перебрасывать материальные средства на незапланированные тра-ты и нужды.

Советский Союз, например, хронически суще-ствует в условиях экономических трудностей. И только привычка населения к низкому жизненно-му уровню и покорность, богатые природные ре-сурсы и страны-сателлиты выручают государст-венное руководство от банкротства. Коммунисти-ческое государство, взяв в свои руки управление производственной деятельностью страны и навязывая плановость, в то же время постоянно созда-ет условия нарушения своих же планов и порожд-ает тенденцию к неподконтрольности экономики и к хаосу.

Проблема соотношения централизации и де-централизации управления есть одна из важнейших для существования достаточно большой коммунистической страны.

Централизованное управление имеет свои ог-ромные дефекты. Оно порождает безынициатив-ность, бесхозяйственность, бессмысленные потери средств, застой в производительности труда и многие другие отрицательные явления, которые хорошо известны и которые позволяют утверж-дать, что коммунистические страны не способны догнать и перегнать передовые капиталистичес-кие страны в экономическом (и вообще деловом) отношении.

Однако централизованное управление имеет свои преимущества, которые точно также извест-ны. В частности, лишь при этом условии становят-ся возможными грандиозные стройки, какие осуществлялись и осуществляются в Советском Союзе. Преимущества для развития военной про-

мышленности и создания армии общепризнаны. Но дело не в соотношении достоинств и недостатков централизации и децентрализации управления. Общественная жизнь не есть поиски некоего академически оптимального варианта.

Централизованное управление обществом адекватно социальному типу коммунистического общества и более жизнеспособно здесь. А если оно рождает зло, так это еще не дает оснований управляющим органам отказаться от какой-то части своих прерогатив. Они имеют силу удержать их за собою. Тем более мера добра, приносимого децентрализацией, сомнительна. Она заметна в малых масштабах. Но в масштабах общества в целом она может привести к еще большим трудностям, чем те, которые возникают без нее. И кстати сказать, эксперименты в этом духе предпринимались в Советском Союзе, но безуспешно.

За эти годы ситуация в стране несколько не изменилась и не изменится, пока будет существовать коммунистический строй.

К сказанному выше я хочу здесь добавить следующее. В реальной жизни учреждения и предприятия приспособляются к условиям плана, причем самыми различными путями (в значительной части — уголовно наказуемыми) добиваются некоторой свободы действий, то есть фактически осуществляют децентрализованное поведение. Об этом известно всем. Начальство обычно смотрит на это сквозь пальцы. Карательные меры принимаются лишь в исключительных случаях. И самое большее, чего может добиться горбачевская политика децентрализации, так это — легализации и узаконивания того, что делается в этом отношении фактически. Но этот шаг сопряжен и с отрицательными последствиями, поскольку он создает более благо-

приятные условия для роста служебной преступности, и в конечном итоге приведет к усилению хаотических тенденций в экономике.

Статья пятнадцатая НОВЫЙ НЭП

Первый нэп был введен, как известно, еще при Ленине в условиях полной экономической разрухи в стране. Он был введен как средство физического выживания и рассматривался как уступка капитализму, как временное отступление революции. Известно также то, что он был отменен при Сталине.

Но менее известно (или вообще не известно) то, что отмена его была продиктована не глупостью и злодейским характером Сталина, как принято думать, а тем, что нэп стал реальной угрозой существованию нового социального строя в стране и стал именно экономически невыгоден с точки зрения коммунистических принципов и критериев экономики.

Уже в 20-е годы обнаружилось, что коммунистическое общество, уступая капиталистическому в экономической эффективности, способно развить более высокую степень эффективности социальной. С этой точки зрения и сталинская коллективизация была не ошибкой и глупостью, а жизненно необходимой мерой, спровоцированной самими условиями коммунистической экономики. Сталинские злодеяния были прежде всего проявлением природы самого реального коммунизма и лишь во вторую очередь природы системы власти и управления.

Новый, горбачевский, нэп, вызывающий столь неудержимый восторг у многих на Западе, свидетельствует о растерянности горбачевского руководства перед лицом неумолимой реальности, о полной беспомощности в понимании законов этой реальности, о стремлении обмануть не только общественное мнение Запада, но и сами объективные законы своего социального строя. Вот уж в чем Горбачеву совсем не следовало бы советоваться с Лениным.

То, что было разумно в России 20-х годов и что является разумным в маленькой восточно-европейской стране вроде Венгрии, еще не совсем потерявшей опыт западного образа жизни, то превращается в чудовищную глупость в такой гигантской стране, как Советский Союз, на семидесятом году жизни нового социального строя.

Мелочность и несерьезность этой „реформы” заслуживает лишь презрения. В ничтожно малых размерах и в сферах десятистепенной важности частное предпринимательство есть совсем не новое явление в советском обществе. Новое руководство может несколько расширить его. Но много ли?

Частное предпринимательство в условиях коммунистического общества немедленно перерастает в преступность и начинает вызывать протест у основной массы населения тем, что оно порождает сравнительно привилегированный слой внутри низших слоев населения.

Но главное — элементарный экономический расчет может показать, что частное предпринимательство в условиях коммунистической экономики лишь по видимости имеет более высокую степень экономической эффективности, чем государственное производство. Оно кажется более эффектив-

ным лишь благодаря усилиям, вкладываемым в него, спекулятивной ситуацией на рынках и исключительности положения. Если допустить его более или менее значительное расширение, то неизбежным следствием будет падение его экономической эффективности до общего уровня в стране. Трудности, которые породило бы значительное расширение частного предпринимательства, во много раз превзошли бы его выгоды. К тому же, ремонтируя обувь в частных мастерских, советские люди вряд ли будут шагать к счастливому будущему с таким ускорением, о каком вещают горбачевские демагоги.

Горбачевцы якобы заимствуют опыт социалистических стран Восточной Европы. Но есть опыт и опыт.

Наблюдая даже эти страны, можно извлечь из их короткой социалистической истории и другой опыт, а именно — тот, что коммунистическое общество обречено идти по пути ограничения и уничтожения всего того, что является чужеродным для него, — частной инициативы, свободы религии, демократических свобод, неконтролируемости культуры, ослабления центрального планирования и т.д. и т.п.

История допускает переходные и компромиссные формы, но лишь на время и лишь во второстепенных случаях. Для Советского Союза следование второстепенным образцам собратьев по движению к коммунизму может породить лишь новые проблемы, но отнюдь не принести радикальное решение старых.

Статья шестнадцатая РАЗГРОМ ОППОЗИЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

Советские партийные руководители и их идеологические помощники заговорили, как диссиденты. На Западе в связи с этим заговорили о новой либерализации советского общества, считая первой либерализацию его в хрущевские годы. При этом удивительным образом позабыли о том, что в результате первой либерализации возникло диссидентское движение, а вторая либерализация началась после жестокого разгрома этого диссидентского движения.

Кто-то сказал, что после того как все враги расстреляны, расстрелы можно отменить. Разгромив диссидентское движение, советские власти могут позволить себе многие идеи диссидентов, внеся тем самым замешательство и в без того замутненное общественное сознание Запада.

Горбачевцы пришли к высшей власти тогда, когда в Советском Союзе было уже разгромлено диссидентское движение. Они сделали вид, будто они тут не при чем, будто они пришли как освободители от некоего брежневского террора.

Но так ли это на самом деле? В Советском Союзе нет двух партий, допустим — партии „ястребов” и партии „голубей”, из которых одна — у власти, другая — в оппозиции. Здесь вообще нет партий в западном смысле. То, что здесь называют словом „партия”, есть стержень единой системы власти и управления.

Прежде чем прийти к высшей власти, горбачевцы приходили к власти на более низких уровнях и участвовали во всех ее видах и на всех ее ступенях, причем — они старались больше других,

чтобы добиться еще большего личного успеха. Они усердно служили своим начальникам. Если бы они этого не делали, то их не допустили бы даже на низшие ступени власти.

Разгром диссидентского движения есть их „заслуга” в первую очередь. Это был один из важнейших козырей в их карьере. Они доказали своим начальникам, что способны расправляться с оппозицией, извлекая из этого пользу для руководства.

Разгром диссидентского движения есть результат усилий не только КГБ, которое в течение пятнадцати лет возглавлял „либерал” Юрий Андропов, но и бесчисленных партийных чиновников, начиная от самого низшего уровня первичных партийных организаций и кончая членами Политбюро ЦК КПСС, а также всех партийных и государственных органов, всего идеологического и пропагандистского аппарата. Разгром диссидентского движения означает не просто расправу с отдельными „отщепенцами” советского общества, „подпавшими под тлетворное влияние Запада”, а прежде всего разрушение социальной базы, порождавшей таких „отщепенцев”, питавшей их идеями и дававшей им моральную и материальную поддержку.

В разрушении этой социальной базы диссидентства огромную роль сыграли те „молодые”, „образованные”, „инициативные” и „прагматичные” (такими добродетелями их наградили западные средства массовой информации) партийные и государственные карьеристы, составляющие ядро и опору нынешнего горбачевского руководства. Покорившие наивных западных энтузиастов улыбка Михаила Горбачева, его вкрадчивый голос и несколько фраз на ломаном английском скрывали на самом деле злобную гримасу, грубый ок-

рик и мутный поток партийной демагогии сотен тысяч корыстолюбивых и тщеславных начальников и начальничков, готовых подавить всякие попытки более или менее массовой оппозиции в Советском Союзе.

Всемерную поддержку советскому руководству в деле разгрома диссидентского движения и разрушения его социальной базы оказал холуйствующий перед ним советский народ, который порою опережал в этом сами карательные органы и проявлял стремление к более радикальным мерам расправы, так что порою карательным органам приходилось сдерживать инициативу масс снизу.

В своей кропотливой и многолетней работе по разгрому диссидентского движения советское руководство использовало богатейший арсенал средств, включая провокации, клевету, медицину, шантаж, лицемерие, показной либерализм и т.п. Свою роль в этом сыграли и опереточные оппозиционеры (вроде поэта Евтушенко), и „здоровымыслящие прагматики” (вроде партийного функционера в сфере науки Ю.Арбатова), и дозволенные „критики” режима (начиная от писателей вроде Ч.Айтматова и кончая партийным руководителем Москвы Ельцыным).

Советское руководство до такой степени замутило и загрязнило интеллектуальную и моральную атмосферу вокруг советской оппозиции, особенно в эмигрантской среде на Западе и в западных средствах массовой информации, что теперь даже знатоки не могут отличить искреннюю оппозицию советскому социальному строю и ее проявления от операций КГБ, имеющих целью задушить эту оппозицию в зародыше и лишить ее поддержки на Западе, если ей как-то удастся выжить.

Новое советское руководство, на которое

возлагали огромные надежды на Западе (в чем?!), приняло твердое решение искоренить всякие возможности превращения оппозиционного движения в стране в устойчивую традицию. При этом оно поставило себе на службу и ту часть советской интеллигенции, которая ранее находилась в кажущейся или неглубокой оппозиции к советскому режиму, играла в оппозицию без особого риска для себя и даже извлекала из этого пользу (характерный представитель таких оппозиционеров — Рой Медведев). Эта часть интеллигенции встала на путь сотрудничества с новым руководством, забыв о том, какую роль растущие кадры этого руководства сыграли в создании „бездиссидентской зоны” в подведомственных им районах, областях, учреждениях. Советская фрондирующая интеллигенция фактически встала на путь предательства всего того, что зародилось в хрущевские годы и в ничтожной мере просло в годы брежневского руководства.

В хрущевские и брежневские годы критика различных явлений советской истории и советского образа жизни стала делом оппозиции. Советское руководство, советская идеология и пропаганда оказались в положении обороняющихся, упустили инициативу критики и контроль за нею из своих рук. Разгромив оппозицию и ее социальный базис, советские власти вернули себе право критики своего общества, считая эту критику своей прерогативой. На первых порах они пошли в этом направлении настолько далеко, что многие в Советском Союзе и на Западе стали усматривать в этом некую новую эпоху в советской истории.

В самом деле, за такие речи, например, какие произносили советские руководители в период перед XXV съездом КПСС и на съезде, десять лет назад осудили бы как за клевету на советское

общество. А между тем суть дела тут не в некоем повороте в сторону демократии. Советские руководители могли пойти на такую самокритику, потому что она утратила значение политической оппозиции к режиму. Такая критика стала неопасной. А самим руководителям она приносила репутацию мужественных борцов за улучшение условий жизни в стране. Вернув себе право на критику и самокритику, советские власти ввели их в определенные идеологические рамки, отличающие ее от критики оппозиционной. Но это отличие не так-то легко увидеть без серьезного социологического анализа советского общества.

Для подавляющего большинства советских людей и западных наблюдателей это отличие вообще незаметно. Советские руководители, например, признают, что пятилетний план не был выполнен, признают факты падения трудовой дисциплины, коррупции и многое другое. Попробуйте в таких признаниях увидеть форму идеологической демагогии, соответствующую данной конкретной ситуации!

Оппозиционная критика советского общества, имевшая место в недавнем прошлом, утратила свою действенную силу в этих условиях официального признания всех тех недостатков, о которых говорила оппозиция. Нужен серьезный социологический анализ советского общества, чтобы вскрыть идеологически-демагогический характер официальной советской критики и противопоставить ей научно обоснованную, качественно иную форму критики.

Научный анализ советского общества обнаруживает, например, что советские планы всегда выполняются в одних отношениях и никогда в других, что они играют в обществе совсем не ту

роль, какую им приписывает идеология, что невыполнение планов в каких-то отношениях всегда компенсируется тем, что делается помимо планов и не входит ни в какие планы. Научный анализ советского общества обнаруживает, что все те недостатки, о которых говорят советские вожди, суть неизбежные следствия самой сущности коммунистической системы, что это общество до окончания века обречено жить с этими недостатками.

Оппозиционная критика советского общества имеет целью не сотрудничество с властями в деле преодоления очевидных недостатков жизни общества, а разъяснение людям причин, порождающих эти недостатки и другие недостатки, о которых власти помалкивают, разъяснение людям их положения в обществе и перспектив, выработку идей, организующие некоторые слои общества на борьбу за свои интересы. Она должна помочь тем слоям общества, которые самими условиями жизни вынуждаются на оппозиционную идеологию, а со временем — формы политической организации, отвечающие их интересам, идеологии и реальным возможностям.

Горбачевское руководство пошло на критику отдельных явлений своего общества в значительной мере с целью заглушить влияние настоящей оппозиционной критики. Оно нанесло оппозиционной критике самый страшный удар, какой только можно вообразить: оно присвоило идеи критиков советского общества, лишив их критической сущности, опошлив и поставив на службу апологетике режима.

Восстановив государственную монополию на критику, пошатнувшуюся в хрущевско-брежневские годы, горбачевцы могли позволить в стране

нечто вроде частной критической инициативы. Тут можно провести аналогию с допущением мелкой частной инициативы в экономике. Если в экономике говорят о новом нэпе, то тут можно говорить о „новой политической политике”.

Это допущение частной инициативы в сфере внутренней политической активности касается только критики отдельных явлений и сторон советской жизни, но отнюдь не самих основ социального строя, системы власти и идеологии. И судьба этой частной политической инициативы будет такой же, как судьба частной инициативы в экономике. Освобождение А.Сахарова из ссылки и намерение советского руководства провести конференцию по защите прав человека в Москве является характерным проявлением рассмотренной горбачевской установки.

Освобождение Сахарова из ссылки создало Горбачеву на Западе репутацию „освободителя Сахарова”. При этом считают это победой неких мировых сил демократии.

Однако есть внешняя видимость явлений, и есть глубокая сущность. Этот жест горбачевцев по существу есть свидетельство победы советского руководства над оппозиционными умонастроениями в стране. Теперь Сахаров не опасен. Теперь, прикрываясь его именем, советские власти будут еще более уверенно и последовательно искоренять всякие намеки на более глубокую и радикальную оппозицию, чем диссиденты.

Сахарову могут позволить говорить то, что он хочет. Но вопрос в том, что он способен захотеть сказать, и напугает ли это советские власти. Западные средства массовой информации получили пищу для своих сенсаций, отвлекающих внимание масс людей на Западе от совсем несенса-

онных действий советских властей по укреплению того, что они называют морально-политическим единством советского общества.

Статья семнадцатая ПРОБЛЕМЫ ОППОЗИЦИИ

На Западе всех советских людей, вступающих в конфликт с советским обществом, называют диссидентами. В Советском Союзе диссидентами называют людей, принимающих участие лишь в одной из форм оппозиции. Не будем спорить о дефинициях. Пусть слово „диссидент” имеет тот смысл, какой оно приобрело в средствах массовой информации на Западе. В таком случае надо различать типы диссидентов.

Одно дело — диссидент Андрей Сахаров, и другое дело — диссидент Андрей Шилков. Я имею в виду не то их различие, что первый — академик, награжденный в свое время множеством орденов и премий, а другой — недоучившийся студент; и не то их различие, что имя первого у всех на устах, а о втором знают немногие, а то различие, что первый восставал лишь против отдельных недостатков советского общества и держался в рамках легальности, тогда как второй открыто заявил на суде в 1983 году о своем неприятии советского социального строя, системы власти и идеологии.

Диссиденты типа Сахарова могут вступать в компромиссы с советскими властями и даже прислуживать им. Диссиденты типа Шилкова такой чести удостоены быть не могут. Они идут на более глубокий конфликт с советским обществом,

вплоть до нелегальных форм протеста и деятельности.

Диссиденты типа Сахарова уже сыграли свою роль. Они принадлежат прошлому. Диссиденты же типа Шилкова — пока лишь исключительные одиночки. Они неудобные диссиденты, причем неудобные как для советских властей, так и для западных средств массовой информации и вообще для западных людей и организаций, занятых диссидентским движением в Советском Союзе. Им не светит известность, слава и почет вроде тех, какие выпали на долю многих диссидентов хрущевского и брежневского периода. И все же их появление неизбежно. Неизбежна и расправа с ними со стороны властей. Горбачевский период должен внести размежевание в ряды диссидентов и породить новые их формы.

В настоящее время главной проблемой всякой оппозиции горбачевизму стала следующая: возможна ли серьезная оппозиция с конструктивной программой преобразований, которая явилась бы альтернативой горбачевским реформам? В рамках системы власти оппозиция горбачевизму вынуждается на сдерживание горбачевского реформаторского пыла и на реалистический подход к возможностям преобразования общества.

Слово „оппозиция” здесь вообще уместно с большими оговорками, поскольку в данном случае в состоянии оппозиции находится подавляющее большинство представителей системы власти и управления, а те, кто сейчас играет в сторонников Горбачева и наживается на этом, в любой момент предадут своего вождя.

Возможна ли конструктивная диссидентская оппозиция с серьезной осмысленной государственной, экономической и культурной программой,

которая была бы обращена не к правительству, а к некоему функционирующему автономно от него обществу, и которая явилась бы альтернативой горбачевским реформам?

Такая оппозиция невозможна по крайней мере по двум причинам.

Первая из этих причин — в Советском Союзе вообще нет такого общества, которое живет и функционирует автономно от его системы власти и управления, если не считать уголовников и немногочисленных диссидентов.

Вторая причина — сейчас даже всеведущий Бог не мог бы предложить советскому обществу некую альтернативную программу его обновления, ибо в современных условиях любая программа преобразований, сохраняющая коммунистический социальный строй и соответствующую ему систему власти и управления, не меняет заметным образом характер жизни общества.

Функция реформаторства в коммунистическом обществе есть функция его системы власти и управления, и никакая оппозиция пока не в состоянии конкурировать с нею и тем более перехватить у нее инициативу. В нынешней ситуации любая оппозиция, предлагающая альтернативу горбачевской реформаторской суете, превратится вольно или невольно в помощницу горбачевцев или в карикатуру на горбачевизм.

В настоящее время лишь одна форма оппозиции имеет возможность сохранить статус и достоинство оппозиции. Я называю ее социальной оппозицией. Функция такой оппозиции, на мой взгляд, состоит не в том, чтобы помогать властям в их реформаторской и вообще в „улучшательской” деятельности и не соперничество с властями в этом отношении, а критика любых действий властей в

этом направлении, поскольку эти действия по самой сущности власти и по условиям ее деятельности не могут принести радикальных изменений в жизни общества.

Задача социальной оппозиции состоит прежде всего в самой беспощадной критике социального строя страны, ее системы власти и ее идеологии. Никаких иллюзий, никаких оговорок, никаких компромиссов, никаких признаний даже частичной „прогрессивности” власти.

Теоретической задачей социальной оппозиции в сложившихся условиях в мире и в стране должно стать изучение общественных явлений вообще, и явлений коммунистических стран в особенности, — на таком уровне, чтобы достаточно широкий круг людей как в Советском Союзе, так и на Западе увидел высокий интеллектуальный уровень оппозиции и проникся к ней уважением.

Практической задачей социальной оппозиции должно стать распространение своих идей как на Западе, так и в Советском Союзе. В Советском Союзе в первую очередь и главным образом.

Нужно стимулировать в стране образование различных групп по изучению и распространению идей оппозиции, в том числе — групп нелегальных. Ориентировать эти группы на борьбу за возможности и за право объективного изучения всех аспектов советского общества независимо от официальных советских учреждений и идеологии, на борьбу за возможность и за право критики социального строя, власти и идеологии страны, за отмену преследований граждан за это.

Надо требовать права на любую, ничем не ограниченную критику советского общества, осуществлять такую критику, игнорируя запреты, и явочным порядком превращать в привычное явление жизни.

Надо обеспечить советских граждан, в особенности молодых, интеллектуальным материалом и идеями, которые соответствовали бы их положению в обществе, их уровню культуры и образования, их устойчивым интересам.

Все это означает начало нового исторического периода в советском диссидентском движении. Время диссидентских сенсаций в западных средствах массовой информации и игры в оппозиционность прошло. Настало время отнестись к проблемам оппозиции с сознанием исторической ответственности и запастись историческим терпением.

Статья восемнадцатая ГЛАСНОСТЬ

Недавно я писал по поводу гласности следующее. Эмиссары Горбачева превозносят горбачевскую установку на некую „гласность”, уверяя, что русское слово „гласность” войдет в обиход западных языков, подобно тому, как в свое время вошло слово „спутник”. Эти уверения звучат весьма комично. Слово „спутник” вполне оправданно стало своего рода международным термином: Советский Союз был п е р в ы м, создавшим искусственный спутник Земли. Но гласность?!.. Советский Союз, где фундаментальным принципом системы является отсутствие гласности и тотальная секретность, выглядит просто допотопным явлением в сравнении с Западом, где чрезмерная гласность стала даже приносить ущерб государственным интересам.

Должен сознаться, что я в этом ошибся. Я тогда недооценил степень желанья Запада быть соб-

лазненным. Слово „гласность” действительно не сходит со страниц западных газет и с уст западных политиков, журналистов, мыслителей. Оно даже превзошло по популярности слово „спутник”, кстати сказать, уже забытое на Западе.

Что на самом деле представляет явление, которое советская пропаганда лицемерно называет словом „гласность” и как обстоит дело с гласностью в этом обществе?

Коммунистическое общество по самому своему существу глубоко враждебно гласности в том смысле, в каком она понимается в странах Запада, то есть в обществе демократическом и правовом. Система секретности (т.е. антигласности) пронизывает коммунистическое общество во всех аспектах его жизни. Закрытые учреждения, „почтовые ящики”, закрытые собрания, секретные инструкции, пропуска, допуски, подписки о неразглашении, секретные части, особые отделы... Чего только там не изобрели на этот счет!

Задача этой мощной системы секретности состоит в том, чтобы скрыть от своих и от чужих то, что происходит в стране, ограничить сферу информированности граждан. Плохо информированными людьми легче манипулировать.

Секретность, далее, делает менее уязвимой идеологическую демагогию, дезинформацию, пропагандистское вранье. Она придает больше значительности властям в глазах неинформированной массы. Тайные решения сильнее действуют на массы, когда слухи о них так или иначе доходят до них. В условиях секретности легче привлекать к ответственности людей за „разглашение государственной тайны”, и „клевету на общественный строй”.

Система секретности лишь в последнюю очередь есть „техническое” средство защиты от вра-

гов, шпионов и жуликов. А в первую очередь она есть средство замутнения всей социальной атмосферы и сознания людей, средство организации общества и власти. Она оправдала себя во все прошлые годы жизни советского общества. Она остается незыблемой и теперь. Она будет неизбежным спутником коммунистического социального строя до самых последних дней его существования.

Так что же на самом деле означает горбачевская установка на гласность? Это — очередная пропагандистская кампания, имеющая целью воздействовать на общественное мнение Запада в нужном для советского руководства направлении. Суть дела состоит не в том, что декларируется гласность, а в том, что именно передается гласности, почему и с какой целью и в какой интерпретации.

Возьмем в качестве примера катастрофу на атомной электростанции в Чернобыле. Почему ее предали гласности? Да по той простой причине, что ее невозможно было скрыть. Если бы можно было скрыть, Запад и советские люди не узнали бы о ней и сотой доли истины.

Нельзя было скрыть и пожар на атомной подводной лодке в Атлантическом океане. На Западе удивились тому, что советские власти поспешили сообщить о катастрофе с подводной лодкой. При этом странным образом игнорировали тот факт, что о катастрофе стало бы известно и без советской информации, а умолчание о ней с советской стороны могло бы повредить предстоящей встрече Горбачева с президентом Рейганом.

Мало предать гласности какой-то факт. Важно, в какой мере и в какой форме это делается. Вспомните, как происходило это с чернобыльской катастрофой. Делалось все для того, чтобы преуменьшить масштабы катастрофы, скрыть или иска-

зять ее подлинные причины и даже извлечь из нее пользу.

Катастрофа произошла в Советском Союзе, а в странах Западной Европы началось мощное движение против использования атомной энергии в мирных целях! Возможно ли нечто подобное в Советском Союзе?

Основная реакция в Советском Союзе на всю эту информационную кампанию по поводу чернобыльской катастрофы заключалась в том, что возникло недовольство естественной реакцией на нее в странах Западной Европы. Гласность сыграла тут роль возбудителя и организатора этого недовольства.

Гласность, осуществляемая сверху и под контролем властей, не есть гласность как элемент демократии. Это есть лишь идеологическое и пропагандистское средство. Это средство в той или иной мере использовалось в советской истории всегда. Тот факт, что теперь на эту тему стали говорить преувеличенно „смело”, объясняется нынешними условиями. Несколько лет назад требование гласности было одним из требований оппозиции. Теперь, когда оппозиционное движение разгромлено, власти взяли себе на вооружение и некоторые лозунги оппозиции.

Проанализируйте любой конкретный пример советской гласности, и вы сами увидите, что она не имеет ничего общего с гласностью, как она понимается на Западе.

На заседании Политбюро, например, на котором решался вопрос о Генеральном секретаре ЦК КПСС, главным конкурентом Горбачева был Гришин. По слухам, лишь один голос Громыко решил дело в пользу Горбачева. Гришина уволили на пенсию, обвинив в коррупции.

На Западе были в восторге. Еще бы, гласности предали факт коррупции в высшем советском руководстве! Но при этом почему-то никто не обратил внимания на то, что не предали гласности материалы заседания Политбюро и не дали возможности Гришину сказать слово в свою защиту. А ведь Гришин мог стать Генеральным секретарем и сам обвинить Горбачева в коррупции или в других грехах. Стали бы на Западе это рассматривать как пример гласности? Думаю, что нет. Скорее всего, подобный факт стали бы рассматривать как пример дезинформации со стороны „консерваторов” („ястребов”).

В условиях коммунистического общества гласность есть конъюнктурное средство дезинформации и манипулирования общественным сознанием. Дезинформация не есть абсолютная ложь. Это есть информация, но специально отобранная и обработанная в интересах тех, кто ее осуществляет и контролирует. Это — односторонняя, частичная и тенденциозная информация. Отбор и способ ее обработки является здесь монополией власти. Всякие попытки осуществления гласности независимо от власти расцениваются здесь как клевета на общественный строй, как враждебная пропаганда. Об этом свидетельствуют, например, преследования издателей неразрешенного властями журнала „Гласность” (Сергей Григорянц, Лев Тимофеев, Андрей Шилков).

В каком отношении находятся реальная и фиктивная гласность в коммунистическом обществе к той информационной революции, которая произошла в последние десятилетия? Бесспорно, развитие технических средств коммуникации и информационной технологии коснулось и советского общества, породило новые проблемы в советской

информационной политике. Теперь уже невозможно держать советских граждан на таком скудном информационном пайке, как в сталинские годы, невозможно совсем огородить их от информационного потока со стороны Запада и невозможно скрыть от Запада многое такое в советской жизни, что хотелось бы скрыть. С этой точки зрения установка на гласность отражает существенную перестройку информационного механизма советского общества.

Внешне (в особенности — для Запада) эта перестройка выглядит как допущение большей информационной свободы и большей открытости. Отчасти это действительно так. Но это не означает, что советское руководство стало добрее и решило расширить возможность получения сведений о событиях советской жизни для своих граждан и всего мира. Это означает, что средства контроля за информацией и средства ее обработки и распространения становятся более хитрыми и изощренными.

То, что внешне выглядит как большая свобода информации, по существу есть лишь вынужденные обстоятельствами более современные средства государственного контроля за ней. Эти средства по идее должны обеспечить и более эффективный контроль за тем информационным потоком с Запада, который ранее (в брежневские годы) на какое-то время вышел из-под контроля советских властей.

Насколько перспективна эта установка на гласность как на более гибкое политическое и пропагандистское средство борьбы против гласности? Думаю, что она недолговечна. Несмотря на ее лицемерность, она все же вынуждена допускать хоть какую-то информационную свободу и сеять иллю-

зии на этот счет, ведущие к нежелательным и неподконтрольным последствиям. Так что установка на гласность постоянно сопровождается и будет сопровождаться во все возрастающей мере жестокими методами информационного контроля, более отвечающими сущности коммунистической социальной системы.

Сущность горбачевской установки на гласность точно характеризуется такой шуткой, родившейся недавно в Москве: „Советский Союз готов прекратить глушение западных радиостанций, ведущих передачи на Советский Союз, но Запад должен пойти навстречу этой советской акции и закрыть эти радиостанции”. Надо заметить, что эта шутка оказалась очень близкой к реальности: западные радиостанции, ведущие передачи на Советский Союз, теперь стало трудно отличить от советских средств массовой информации, и глушение их вообще утратило смысл.

Статья девятнадцатая „РЕНЕССАНС” КУЛЬТУРЫ

Важнейшим результатом развития советского общества за семьдесят лет явилось то, что воплощение в жизнь идеалов коммунизма разрушило до основания надежды на общество всеобщего благополучия, равенства и справедливости. Наступило всеобщее смятение умов и чувств, рухнули старые положительные идеалы и традиционные критерии ценностей.

С другой стороны, экономический и культурный расцвет в рамках западной демократии заразил мир соблазнами и страстями, не имеющими ни-

чего общего с принципами нравственности и духовными потребностями, которые в свое время показались высшими достижениями цивилизации. Они добавили свою долю влияния в идейный, моральный и духовный кризисы советского общества.

Неизмеримо возросло число людей, у которых современные условия жизни и очевидные тенденции эволюции общества вызывают протест. Этот протест либо остается вообще неосознанным, либо осмысливается в идейных формах, чуждых его реальным причинам и социальной сущности.

С этой точки зрения русская литература вновь оказалась в ситуации, в какой находилась русская классическая литература в дореволюционной России: она могла сыграть великую историческую роль организатора общественного самосознания. Могла. И даже сделала попытку сыграть эту роль на деле, — я имею в виду колоссальную литературную вспышку 60-х и 70-х годов в форме „самиздата” и „тамиздата”. Чем кончилась эта попытка, всем хорошо известно.

Всячески раскритикованный и затем разгромленный царский режим считал возможным допустить великую русскую литературу как предмет гордости национальной культуры. А всячески прославленный и восторжествовавший коммунистический режим с беспрецедентной в истории человечества жестокостью разгромил попытку поднять русскую литературу вновь на уровень высших мировых достижений в культуре. Есть над чем задуматься тем, у кого еще остались какие-то иллюзии насчет реальных перспектив культуры в условиях коммунизма.

Естественно, в этой связи возникает вопрос о том, что из себя представляет нынешний „культурный ренессанс” (термин, почерпнутый мной из западной прессы) в Советском Союзе.

Если слово „ренессанс” уместно в отношении советской истории, то попытка такого рода уже имела место в недавнем прошлом. Она произошла в хрущевские годы и в первые годы брежневского правления. Она произвела сильное впечатление на Западе. Многие имена участников этого подъема в советской культуре стали известны во всем мире. Вот некоторые особенности этой попытки культурного ренессанса.

Исторический подъем в советской культуре начался в результате десталинизации страны, которая зашла дальше, чем это позволяли советский социальный строй и идеология. Власти растерялись и на время упустили тотальный контроль за культурой. Несмотря, однако, на беспрецедентную по советским масштабам либерализацию, оживление в культуре встретило сопротивление как со стороны властей, так и в самой сфере культуры.

Советская культура не есть дело разрозненных и независимых от общества одиночек. Она есть совокупность большого числа людей, объединенных в систему советских учреждений. Эти учреждения не только сами контролируются органами власти, но составляют интегральную часть системы власти и идеологии общества. Они сами суть высшая власть по отношению к отдельным деятелям культуры. Высшие власти едины с многими тысячами чиновников в сфере культуры и армией деятелей культуры, принадлежащими к привилегированным слоям населения. Разделить их просто невозможно. Благодаря общим усилиям властей и массы самих деятелей культуры подъем в советской культуре к концу 70-х годов был задушен. Большинство активных участников его были выброшены на Запад. Кроме того, сам подъем исчерпал свои внутренние потенции.

Горбачевский культурный „ренессанс” есть лишь фарс в сравнении с разгромленным подъемом недавнего прошлого. Разрешили кое-что из того, что уже было сделано в прошлые годы. Главные же достижения того периода замалчиваются. Разрешили делать кое-что такое, что раньше не разрешалось. Но — лишь в рамках идеологии и в интересах горбачевцев. Это — политический спектакль сверху, а не результат развития культуры снизу. Для нового подъема в советской культуре требуется время, накопление сил, особые условия, которых сейчас нет и не предвидится в обозримом будущем. Ренессанс не то явление, которое вызовет приказы начальства. Советская пропаганда и солидарные с ней западные журналисты и деятели культуры раздувают фарс культурного „ренессанса” в Советском Союзе. Но как долго будет продолжаться этот обман и самообман?!

Реакция Запада на горбачевскую политику в культуре аналогична реакции на прочие горбачевские реформы: Запад видит в ней лишь то, что он хочет видеть.

В одном немецком фильме о Советском Союзе было показано интервью с советским скульптором, делавшим монументы Ленина. Скульптору был задан вопрос: свободен ли он в своем творчестве? Разумеется, он ответил положительно. И было бы странно, если бы он ответил иначе: от своей свободной творческой деятельности он имеет все мыслимые блага.

Странно тут другое, а именно — то, что представители западного общества, задавая такой вопрос привилегированному деятелю советской культуры и показывая его западным людям, фактически ведут на Западе просоветскую пропаганду в том духе, как это и требуется горбачевцам. Они с

таким же успехом могли бы задать вопрос секретарю ЦК КПСС по идеологии о том, верит ли он в марксизм-ленинизм искренне.

Литературные чиновники и всякого рода ловкачи и приспособленцы возводятся в ранг героев или выставляются как жертвы брежневизма. В советской культуре есть, конечно, настоящие жертвы режима. Но есть и фиктивные жертвы, играющие роль орудия советской идеологии и пропаганды. Такие „жертвы” допускаются с целью скрыть жертвы реальные, с целью замаскировать реальное положение в культуре и замутить сознание людей как у себя дома, так и на Западе.

Типичным представителем этой категории ложных жертв режима и ложных борцов за свободу творчества был и есть поэт Евгений Евтушенко. На Западе восторгались тем, что Евтушенко в свое время выступал с критикой Сталина и того, что творилось в сталинские годы.

Вдумайтесь в этот факт! Ведь это означает махать кулаками после драки. Нападать на Сталина много лет спустя после его смерти, когда это стало совсем безопасно, — много ли на это нужно мужества?!

К той же категории ложного мужества относятся и нынешние нападки на Брежнева. Такое глумление над трупами могут позволить себе только шакалы и стервятники. Если уж эти смельчаки хотят проявить свое мужество, то есть живой объект для критики — Горбачев с его реформаторскими замыслами и мероприятиями. Но на это они не пойдут. Они не захотят рисковать своим благополучием. Да им и не позволяют! Их задача состоит в том, чтобы прославлять горбачевское руководство как новую эру в советской истории. За это их и на Запад выпускают. За это им и кое-какие воль-

ности в выражениях разрешают. В их творческой деятельности им разрешают делать кое-что такое, что дает материал для сенсаций в западной прессе по поводу неких новых веяний в советском руководстве.

Например, на Западе восхищаются: Чингиз Айтматов написал книгу, в которой говорит о Боге и о Христе! При этом тут игнорируют тот факт, что подлинные жертвы режима в литературе уже писали на эту тему много лет назад, что советские „смельчаки” и „таланты” просто занимаются литературным воровством. Советская система власти позволяет айтматовым писать такие книги, чтобы заглушить влияние недозволенной литературы, скрыть сам факт ее существования.

На последнем съезде советских писателей некоторые из таких опереточных диссидентов потребовали даже ограничения цензуры и публикации отдельных ранее запрещенных книг. Много ли нужно мужества, чтобы требовать ограничения некоей цензуры, если в стране главными цензорами являются десятки тысяч верных слуг режима, вроде этих показных смельчаков, которые допускают свободную литературу лишь в духе того скульптора, который свободен лепить Ленина.

К событиям в литературе можно добавить „послабление” в отношении театра и кино. Им решено предоставить большую свободу деятельности. Но усматривать в такого рода явлениях некий коренной перелом в советской культуре — значит игнорировать сущность советской социальной системы. Эти явления в такой же мере способны изменить общую ситуацию в советской культуре, в какой допущение мелкой частной инициативы в производстве и в сфере обслуживания способны изменить общую ситуацию в советской экономике и в обслуживании населения.

Расцвет культуры зависит не от распоряжений начальства, не от призывов вождей и ослабления ограничений, а от общей моральной, идеологической и интеллектуальной ситуации в стране, от устойчивых традиций и мотивов деятельности, от сознания перспектив, от критериев оценки продуктов творчества, от реальных духовных потребностей потребителей творчества и от многих других факторов, которые не появляются автоматически после постановлений ЦК КПСС.

Одно дело — демагогические речи партийных вождей и их приспешников и отдельные пропагандистские жесты, и другое дело — реальность советской культуры как жизнь многих сотен тысяч людей по общим законам жизни коммунистического общества. Для этих сотен тысяч по необходимости посредственных людей нет никакого иного пути существования, как существование по законам посредственности, которое так или иначе низведет уровень культуры к тому устойчивому состоянию, которое имело место в прошлом, имеет место сейчас и будет иметь место в будущем до тех пор, пока существует коммунистический социальный строй.

Горбачевцы всячески стремятся завоевать симпатии западных деятелей культуры. Характерна в этом отношении недавняя встреча деятелей культуры на роскошном курорте на озере Иссык-Куль, на которой по личному приглашению Чингиза Айтматова присутствовали многие знаменитые деятели западной культуры (Питер Устинов, Артур Миллер, Клод Симон и другие).

Это — один из самых лицемерных трюков советской пропаганды. Тот, кто хотя бы немного знаком с советской системой, должен знать, что такое „личное” приглашение было бы лишено смы-

сла и в принципе невозможно без санкции высших властей и финансирования государством.

Однако этот факт, касающийся самой сути дела, вообще игнорировался средствами массовой информации. Широко сообщалось только о факте неслыханной доселе свободы в области советской культуры. Еще бы, советский писатель, якобы критикующий режим, проявляет огромную „смелость”, приглашая лично западных людей и свободно (вспомните о том свободном скульпторе, который лепит Ленина!) говорящий с ними о необходимости свободы творчества! Действительно, новая эпоха! Великий перелом! А тот факт, что этот „критик режима” есть один из высших чиновников в советской иерархии, — это не в счет.

Одним словом, горбачевизм пока может праздновать триумф в воздействии на общественное сознание Запада. Пока это — самая успешная сфера его деятельности. Любой ценой завоевать симпатии Запада, использовать Запад для преодоления внутренних трудностей, — вот одна из важнейших задач горбачевского руководства, с которой оно справляется довольно успешно.

А что касается положения в русской литературе, дозволенной властями, то подъем в литературе не вызовешь никакими постановлениями. Самое большее, что там возможно в смысле большой литературы, сопоставимой с классической, это заимствования из разгромленного „самиздата” и „тамиздата” и подражание этой литературе в рамках, дозволенных интересами системы власти и идеологии в данный период.

Статья двадцатая СТАЛИНИЗМ И ГОРБАЧЕВИЗМ

Было бы странно, если бы Горбачев не использовал тему сталинизма в своих интересах. Он ее использовал и, очевидно, будет использовать и в будущем. Разоблачать давным-давно разоблаченные преступления Сталина — значит махать кулаками после драки. Такие „храбрецы” теперь заслуживают лишь презрения.

Совершенно очевидно, что это очередной трюк горбачевцев в одурачивании общественного мнения. Кстати сказать, — трюк не очень-то умный, поскольку в наше время вряд ли можно рассчитывать на эффект от него, сопоставимый с хрущевскими действиями такого рода, сыгравшими действительно огромную историческую роль. И в конце концов, бранными словами по адресу Сталина и запоздалой реабилитацией некоторых его жертв никого не накормишь и не поднимешь продуктивность экономики на уровень высших мировых достижений. Да и то, что в советских партийных кругах называют „дешевой популярностью”, Горбачеву не удастся увеличить за этот счет, поскольку эта „популярность” уже имеется в изобилии и достигла предела. Она теперь может только уменьшаться, ибо дальнейший путь с вершины может вести только вниз.

Но в связи с этим горбачевским фарсом возникает серьезный вопрос о сущности сталинизма и об объективно научной его оценке, которая явно не по зубам Горбачеву и его интеллектуальным приспешникам. Горбачев, как и Хрущев, признавая факт преступлений, совершенных в сталинские годы, смешивает моральные, юридические и социологические оценки исторических событий, приме-

няя их к тому же задним числом, тем самым придавая им чисто идеологический характер. Их критика Сталина и сталинизма не что иное, как самозащитная реакция в их апологетике коммунистического социального строя, его системы власти и идеологии.

Сказать о Сталине, что он допустил множество ошибок и даже преступлений — значит либо не сказать ничего по существу, либо сказать нечто совершенно абсурдное с научной точки зрения. Оценивать великую историческую эпоху в терминах ошибок, искривлений, преступлений и т.п., — это простительно на уровне самой примитивной массовой пропаганды, но не на уровне истории.

Главным в сталинской эпохе (в деятельности Сталина и в сталинизме вообще) было не то, что много лет спустя стали рассматривать как преступления, и не то, что на самом деле было преступлением, а то, что это было исторически обусловленным проявлением самой сущности коммунистического социального строя и соответствующей ему системы власти и управления обществом. Жестокость и преступления сталинизма были не некими плохими отклонениями от неких хороших норм коммунистического общества, а естественными преступлениями самой природы реального коммунизма.

В страшных муках сталинского периода рождалось то самое здоровое коммунистическое общество, сущность здоровья которого теперь воочию проявляется в экономической неэффективности, в отсутствии демократических свобод, в сравнительно низком жизненном уровне населения, в огромном бюрократическом аппарате.

Десталинизация страны, осуществленная в хрущевские годы, была действительно великим пере-

ломным периодом в советской истории. Суть ее заключалась не в том, что обругали Сталина, предали гласности некоторые его ошибки и освободили из лагерей миллионы заключенных, а в том, что окончился юношеский период (период формирования) советского коммунистического общества и наступил период зрелости. Были сброшены строительные леса нового общества. Такой перелом возможен лишь раз в истории страны. И горбачевские попытки повторить его — лишь жалкая карикатура на этот исторический перелом. Если даже горбачевцы предадут гласности абсолютно все жестокости, совершенные в сталинские годы, и реабилитируют абсолютно всех несправедливо (и даже справедливо) пострадавших, все равно это будет лишь жалкий фарс в сравнении с тем, что уже произошло в советской истории.

Можно переписать заново все книги по истории, но нельзя переделать прошлое. Пересмотр взглядов на прошлое еще не есть сам по себе вклад в прогресс общества. Все зависит от того, каким образом и с какой целью пересматривается прошлое. Одно дело — если прошлое пересматривается в интересах пропагандистской шумихи и завоевания дешевой популярности. И другое дело — если прошлое пересматривается в интересах лучшего понимания сущности настоящего и перспектив в будущем.

Правильное понимание сталинизма целиком и полностью зависит от правильного (научного) понимания сущности коммунистического общества, рожденного в сталинские годы, причем — благодаря усилиям миллионов людей во главе со сталинистами и Сталиным.

Но одна из причин, почему именно горбачевцы были допущены к высшей власти, состоит в

том, чтобы помешать именно такому, объективно научному пониманию коммунистического социального строя, выработать новую, более гибкую форму идеологической апологетики коммунизма. Тот путь, по которому они, однако, пошли, а именно — путь апологетики, замаскированной под критику, чреват непредвиденными последствиями. Теперь советских людей не так-то легко обмануть. А за критическую видимость так или иначе придется расплачиваться.

Статья двадцать первая СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Горбачевцы торжественно отпраздновали семидесятилетие Октябрьской революции. И само собой разумеется, в речах партийных вождей и в сочинениях советских теоретиков не было высказано ни единого намека на понимание социальной сущности русской революции и родившегося в результате нее социального строя.

Советское общество прошло два этапа в своей эволюции. Первый этап — этап сокрытия недостатков. Он имел место при Сталине и при Брежневе. В хрущевские годы наметились попытки признания очевидных недостатков, но они не переросли в целый новый этап.

Второй этап — этап признания очевидных недостатков. Он начался с приходом к власти Горбачева.

Впереди советскому обществу предстоит когда-нибудь сделать очередной шаг — вступить в этап оправдания недостатков объективными закономерностями самого коммунистического социального

строя. Сейчас нельзя с уверенностью предсказать, когда этот третий этап начнется и насколько продолжительным будет второй этап.

Семьдесят лет — срок для истории ничтожный, чтобы делать окончательные выводы о судьбе Советского Союза и его перспективах. Но этот срок вполне достаточен для того, чтобы коммунистический социальный строй обнаружил свою сущность. И он тем более вполне достаточен для того, чтобы судить о характере Октябрьской революции.

Каковы основные итоги семидесятилетней истории советского общества, чем характеризуется его нынешнее состояние и каковы перспективы в ближайшие годы?

В сфере экономики коммунизм обнаружил неспособность конкурировать с капитализмом и сильнейшую тенденцию к застою. Убедившись в том, что коммунистические методы развития экономики порождают тенденцию к застою и не годятся для соревнования с экономикой капиталистических стран, советские руководители хватаются сейчас за всякого рода западнообразные меры, что свидетельствует о их растерянности перед лицом исторической неизбежности и перед неумолимыми объективными законами их социальной системы.

В сфере социальных отношений коммунизм обнаружил сильнейшую тенденцию к разрастанию аппарата власти и управления. В Советском Союзе многие миллионы людей вовлечены в систему власти и управления. И это еще не предел. Этот аппарат будет и впредь разрастаться. Всякие попытки улучшения работы этого аппарата и упрощения его имеют неизбежным следствием его увеличение и усложнение. И нет никакой силы в стране, кото-

рая была бы способна остановить этот процесс на более или менее длительный период. Работа людей в этом аппарате зависит не от их личных способностей и желаний, а от общих условий функционирования системы власти и управления в коммунистическом обществе.

Кризисное состояние управленческого аппарата определяется не тем, что в него пробрались отдельные дураки, бюрократы, консерваторы, взяточники и другие плохие люди, а тем, что сама система власти и управления с необходимостью превращает любого человека, вовлеченного в нее, в бюрократа, консерватора, жулика, дурака, взяточника.

Никакое советское руководство, включая горбачевское, пока еще не может пойти на признание того факта, что Октябрьская революция в России по своей социальной сущности и по своим социальным последствиям была революцией чиновничье-бюрократической. И борьба горбачевцев против бюрократического аппарата в стране, если ее принимать всерьез, есть борьба против самих основ коммунистического социального строя. Но вряд ли кто в Советском Союзе принимает ее всерьез.

Чтобы понять социальную сущность революции, надо понять сущность социального строя страны, который сложился благодаря этой революции. Одна из догм марксизма-ленинизма гласит, будто коммунистические (социалистические) социальные отношения не складываются в обществе до коммунистической (социалистической) революции, будто они возникают лишь после революции и благодаря революции.

Это утверждение, насколько мне известно, никем не оспаривается. А между тем оно ложно. Коммунистические социальные отношения имели место

в той или иной мере во всех больших объединениях людей, существовавших достаточно длительное время в прошлой истории человечества. Они имеют место в наше время также и в некоммунистических странах Запада.

В России в результате Октябрьской революции сложились условия, благодаря которым общечеловеческие коммунистические социальные отношения стали господствующими и всеобъемлющими. Характерным признаком этих отношений является то, что все взрослые и работоспособные граждане превращаются в своего рода служащих государства, и отношения между начальниками и подчиненными, а также отношения между сослуживцами, соподчиненными одному и тому же начальству становятся самыми фундаментальными отношениями между людьми, — становятся базисом общества. В обществе складывается сложнейшая иерархия людей и учреждений, находящихся в отношении начальствования, подчинения и соподчинения.

На этой основе развивается беспрецедентная в истории система власти и управления, в которую оказываются вовлеченными многие десятки миллионов людей. Десятки миллионов всякого рода начальников, руководителей, заведующих, директоров, председателей и т.п. становятся господами положения, навязывая всему обществу свою идеологию и психологию, свое отношение ко всем аспектам общественной жизни.

В результате Октябрьской революции в России были ликвидированы классы частных собственников, — исчезли феодальные и капиталистические отношения, считавшиеся источником всех зол. Была разрушена также вся система власти и управления царизма. Но на месте разрушенного государ-

ственного аппарата царизма возник государственный аппарат, который превзошел его как по масштабам, так и по роли в обществе. И полный простор получили социальные отношения, которые ранее были перемешаны и слитны с отношениями феодализма и капитализма и не выделялись в качестве отношений будущего коммунистического общества.

Третий важный результат семидесятилетнего развития советского общества заключается в том, что советское население почти на сто процентов утратило веру в земной рай, обещанный идеологами марксизма-ленинизма. В стране наступило состояние глубокого идеологического кризиса. Для коммунистического социального строя идеологический кризис гораздо опаснее, чем кризис экономический и управленческий. Я уверен в том, что в ближайшие годы либо сам Горбачев, либо его преемник произнесет фразу, сказанную Ю. Андроповым в первые же дни своего пребывания на посту Генсека: „Идеология выходит на первый план”.

Горбачевский эксперимент играет огромную историческую роль в том смысле, что коммунистическому социальному строю представилась возможность показать, на что он способен в смысле осуществления благих пожеланий и обещаний основоположников идеологии коммунизма и руководителей реального коммунистического общества.

От исхода этого эксперимента многое зависит в последующей истории человечества. Я уверен в том, что он кончится провалом в одном смысле и будет успешным в другом. Провалом — в том смысле, что советское общество не послушается приказов горбачевцев и пойдет тем путем, каким позволяют и вынуждают его идти объективные закономерности и реальные условия. Успехом — в том

смысле, что советское руководство использует выигрыш времени и помощь Запада, ощутит в себе силу и уверенность, пустит в ход оправдавшие себя в прошлом специфически коммунистические методы решения специфически коммунистических проблем и обнажит свои клыки и когти.

Удержатся горбачевцы на своих постах или нет, это не играет существенной роли. Это произойдет с необходимостью законов природы. Если горбачевцы потеряют посты, это сделают их преемники. Если они удержатся у власти, они сделают это сами. И само собой разумеется, они изобразят это как торжество своей политики.

Статья двадцать вторая ПЕРЕСМАТРИВАЯ ИСТОРИЮ

Горбачевцы намерены осуществить радикальный пересмотр советской истории. Как это будет выглядеть на деле, покажет будущее. А пока есть убедительные примеры методов пересмотра более отдаленного прошлого.

В журнале „Коммунист” (№ 12, 1987) была помещена статья о крещении Руси князем Владимиром. Из статьи явствует, что у нынешнего реформатора советской Руси, у Горбачева, был предшественник уже в X веке. Этот предшественник — киевский князь Владимир. Автор статьи утверждает, что крещение Руси было лишь внешней формой событий того времени, а что сущностью этих событий была реформаторская деятельность высшего руководства Киевской Руси во главе с князем Владимиром. Оказывается, уже 1000 лет назад, как и сегодня, „нужен был рывок в развитии страны,

усвоение высших достижений передовых стран той эпохи”.

Обратите внимание: нужен был рывок в развитии страны! Можно сказать — ускоренное развитие. Прямо-таки не князь, а Генеральный секретарь Коммунистической партии Киевской Руси. Зачем был нужен упомянутый рывок? Оказывается, для того, чтобы „усвоить высшие достижения передовых стран той эпохи”, „выйти на уровень мировых стандартов”. Прямо по Горбачеву, который призвал советских людей подняться до уровня высших мировых достижений.

Сейчас, как известно, перед советской Русью стоит задача подняться на уровень передовых капиталистических стран, или, другими словами, догнать их. В десятом же веке, согласно журналу „Коммунист”, перед Русью стояла задача „встать вровень с развитыми феодальными монархиями”, то есть задача догнать феодальные страны. Тогда, видите ли, самым прогрессивным социальным строем был феодализм. Хотелось бы узнать, красовался ли тогда на хоробах киевского князя Владимира лозунг „Да здравствует феодализм — светлое будущее всего человечества”?

Согласно журналу „Коммунист”, князю Владимиру, как и Горбачеву, мешали бюрократы и консерваторы того времени в лице языческих жрецов. И откуда только эти бюрократы и консерваторы берутся?! Неужели языческие жрецы уцелели, несмотря на героическую борьбу против них трудящихся Древней Руси, возглавляемых и вдохновляемых Генсеком Владимиром и его соратниками?!

Благодаря реформам князя Владимира, — говорится в журнале „Коммунист”, — в стране началась бурная перестройка всего образа жизни. Автор

только умалчивает о таком пустяке, что ближайшим следствием той перестройки был полный крах и разгром Киевской Руси, и что лишь „внешняя форма” той перестройки, то есть православие, уцелела. Автор пишет, что благодаря реформам князя Владимира „Русь окончательно встала вровень со всем цивилизованным миром”.

Если окончательно, то почему же семь столетий спустя Петру Первому пришлось снова „прорубать окно в Европу” и догонять этот проклятый Запад? Почему же теперь, тысячу лет спустя, снова встала задача поднять Русь на уровень мировых стандартов? А что, если и нынешний подъем Руси на уровень высших мировых достижений будет таким же окончательным, как и в Киевской Руси?!

Статья двадцать третья НИ ДНЯ БЕЗ РЕФОРМЫ

Но перенесемся от перестройки X века к нынешней. Пока процесс ускоренного развития в Советской Руси идет ускоренными темпами. Что ни день, то новое решение высших руководящих органов, новые идеи, предложения и начинания. Наконец-то советский народ проснулся от вековой спячки... Простите, я оговорился, употребив слово „вековой”. Вековая спячка была до революции. А после революции спячка началась лишь при Брежневеве. Так что правильнее сказать так: советский народ проснулся от двадцатилетней спячки.

Как видите, народу даже выспаться как следует не дали. Но все-таки народ разбудили, и он развил такой неслыханный динамизм, что потом, наверно, лет двадцать потребуется, чтобы умерить

его перестроечный пыл и дать ему возможность выпаться.

Перестройка охватила все аспекты жизни страны и все слои советского общества. Горбачевское руководство решило расширить и укрепить свою социальную базу, завоевав на свою сторону самый мощный слой советского населения, — пенсионеров. Высказано намерение значительно расширить этот слой путем снижения пенсионного возраста на пять лет. Благодаря этому миллионы трудящихся, которые будут „высвобождаться” в результате повышения экономической эффективности предприятий и учреждений, будут просто увольняться на пенсию. Конечно, при этом вроде бы снизится жизненный уровень этих трудящихся, — ведь пенсия значительно ниже заработной платы. Но пусть враги перестройки не радуются этому. Горбачевское руководство принимает меры к тому, чтобы жизненный уровень пенсионеров даже вырос сравнительно с допенсионным.

Одной из таких грандиозных мер является предложение Совета министров ввести „добровольное страхование дополнительных пенсий для рабочих, служащих и колхозников”. Предложение одобрено на особом заседании Политбюро (как сообщила газета „Известия” 24 августа 1987 г.).

Суть его состоит в том, что трудящиеся до ухода на пенсию отчисляют из своей мизерной зарплаты еще более мизерные суммы для своей будущей „дополнительной” пенсии, так что по выходе на преждевременную пенсию они будут иметь дополнительно к обычной пенсии от 10 до 50 рублей в месяц. Этой суммы будет достаточно ровно на то, чтобы купить дешевые ботинки или поллитра водки, простояв в очереди (в старых ботинках!) два или три часа. Но так как трудящиеся уй-

дут на заслуженный отдых, то у них будет время стоять в очередях.

Но, пожалуй, одно из самых многообещающих начинаний горбачевцев — подготовка нового уголовного законодательства, благодаря которому значительно улучшатся условия отбытия наказания преступниками. Таким образом горбачевцы завоюют на свою сторону другой самый мощный слой советского населения — преступников.

Как сообщила газета „Московские новости” (23 августа 1987 г.), внесено предложение для граждан, впервые совершивших преступления, учредить облегченные „открытые тюрьмы”, куда заключенные могут вызвать свои семьи. Какая гуманная идея! Вместо того чтобы сажать в тюрьму одного преступника, отправлять туда всю его семью! Предлагается также ввести особые „арестные дома”, в которых граждане будут отбывать наказания за мелкие преступления по месту жительства, причем в выходные дни и праздники. Такая форма наказания якобы существует в ФРГ, Англии и других странах.

Вот это преобразование! Вот это демократизация! Только я бы посоветовал горбачевским реформаторам пойти по этому пути еще дальше.

Учитывая тот факт, что в советском обществе просто нельзя нормально жить, не совершая преступлений, объявить всю страну „открытой тюрьмой” или „арестным домом”. Советские люди все равно живут так, как будто несут наказание за какие-то преступления.

Вспоминаю в связи с этим одного профессора Московского университета, читавшего нам курс „научного коммунизма” еще в сталинские годы. Профессор утверждал, что при полном коммунизме сознательность настолько возрастет, что че-

ловец, совершивший преступление, сам осудит себя, сам отведет себя в тюрьму, у которой никаких стражников не будет, и запрет себя там на тот срок, какой подскажет ему высокоразвитое коммунистическое самосознание. Как бы возликовал этот идиот-профессор, если бы вдруг воскрес сейчас и узнал о горбачевском „новаторстве“!

Статья двадцать четвертая ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

Так называемый „научный коммунизм“ есть самая вздорная часть советской идеологии, не имеющая ничего общего с наукой. Отсутствие научного подхода к коммунистическому обществу роковым образом сказалось на идеях горбачевцев. Имея в своем распоряжении многие тысячи специалистов, советская социальная и экономическая наука оказалась совершенно беспомощной в решении фундаментальных проблем теоретического обоснования „перестройки“. Теоретический багаж горбачевцев фактически образовался из идей, уворованных у критиков советского общества, из поверхностных наблюдений западного образа жизни и из заимствований из западных социально-экономических учений. Ни единой оригинальной идеи не было выдвинуто. Не было сделано ни одного оригинального научного открытия.

Если бы советские теоретики подошли к пониманию коммунистического общества с методами науки, а не идеологии, они должны были бы заметить, например, что всякий живой организм, и социальный организм в том числе, переживает периодические кризисы. Эти кризисы столь же за-

кономерны, как и межкризисное („здоровое”) состояние.

Есть причины кризисов, присущие любому социальному организму. Есть причины кризисов, свойственные данному типу общества. И есть причины, связанные с конкретными историческими условиями данной страны и в данный момент в мире. Сочетание этих причин порождает кризисную ситуацию или по крайней мере тенденцию к ней.

Общеизвестно, что для капитализма характерны экономические кризисы. Но согласно марксизму-ленинизму, коммунистическое общество является бескризисным. Но это ошибочно. Коммунистическое общество тоже подвержено кризисам. Только это кризисы иного рода, чем капиталистические. Это — кризисы не экономические, а социальные, связанные со специфически коммунистической организацией масс населения и системой управления ими.

Переживаемая в Советском Союзе ситуация как раз и есть классический образец специфически коммунистических кризисов. Она застала врасплох интеллект советского общества. В результате начался идейный разброд. Обилие реформаторских предложений Горбачева и его соратников свидетельствует не о смелости и мудрости реформаторов, а о растерянности и скудости их интеллектуального багажа. При наличии серьезной науки советники Горбачева могли бы подсказать ему одну реформу, но такую, которая была бы ключом ко всем прочим преобразованиям. Причем осуществление этой реформы не потребовало бы искусственных усилий и повседневного волевого надзора. Реформа должна была бы произойти естественно, породив прочие изменения автоматически.

Это означало бы, что потребность в реформе действительно назрела в самом фундаменте общества, а не только в головах партийных карьеристов.

Если бы горбачевские теоретики подошли к советскому обществу с позиции хорошо разработанной науки, они должны были бы заметить, что реформы лишь тогда ведут к жизненно устойчивым преобразованиям, когда они приводят некоторые формальные отношения в соответствие с уже реально существующими отношениями, то есть когда они узаконивают объективные тенденции социальной эволюции, а не навязывают обществу такие формы жизни, которые приходится поддерживать ценой постоянных усилий, контроля, принуждения, наказания.

Но „прогрессивные” теоретики горбачевизма оказались неспособны на это. Ирония истории состоит тут в том, что не на долю „новаторов”, а именно на долю „консерваторов”, компенсирующих отсутствие научного подхода к проблемам здравым смыслом практических руководителей, выпадет подлинное коммунистическое реформаторство. Оно произойдет без таких сенсаций, какие достались горбачевцам. Преемник Горбачева не будет удостоен титула „человек года”. На обложках западных журналов его не изобразят в виде статуи Свободы. Но его реальная роль в истории советского общества будет неизмеримо серьезнее непомерно раздутой на Западе роли Горбачева.

До какого уровня идиотизма поднялись (или опустились) теоретики горбачевизма, можно судить хотя бы на примере публикации в газете „Московская правда” (18 августа 1987 г.), посвященной проблеме бюрократии.

По словам газеты, бюрократия — „самый страшный враг социализма. В газете предлагается за-

крепить формы общественной собственности за трудовыми коллективами. Но как это закрепление осуществить на практике?

В свое время (еще при Сталине) землю закрепили навечно (ни много, ни мало!) за колхозами. Что из этого вышло, общеизвестно. На деле это означало закрепощение крестьян. Но даже несмотря на это, крестьяне всяческими путями бежали из деревень. Сельское хозяйство пришло в неслыханный упадок.

Закрепление общественной собственности в городах за трудовыми коллективами будет означать либо пустую фразу, либо закрепощение рабочих за предприятиями, либо усложнение формы заработной платы и даже снижение ее. Это — чисто практический аспект. Что же касается того, что в газете говорится о положительных последствиях закрепления собственности за коллективами, то хотелось бы напомнить о том, что до сих пор на эту тему говорилось всеми „лучшими представителями“ мыслящего человечества, и основателями марксизма — в их числе.

Одним из величайших завоеваний коммунистического общества и его величайших соблазнов для миллионов трудящихся было именно такое освобождение людей от пут собственности, при котором людям гарантировалась работа и минимальные средства существования.

Одним из условий успеха сталинской политики коллективизации было именно освобождение миллионов людей от тревог и забот, связанных с собственностью как источником средств существования.

Статья двадцать пятая РЕВОЛЮЦИЯ СВЕРХУ

Западные средства массовой информации назвали горбачевскую перестройку революцией сверху. Это понравилось горбачевцам, и они сами стали рассматривать свою реформаторскую суету как революцию, осуществляемую по инициативе высшего руководства (и, разумеется, лично Горбачева), по указаниям высшего руководства и под его контролем.

Употребление выражения „революция” в применении к кампаниям такого рода, как горбачевские, простительно западным деятелям культуры, журналистам и политикам, не имеющим строгих ограничений в словоупотреблении. Но когда поднаторевшие в марксизме советские партийные аппаратчики и оправдывающие их активность марксистско-ленинские теоретики начинают так легко обращаться с важнейшими категориями государственной советской идеологии, то невольно закрадывается сомнение: а в своем ли уме эти люди? Конечно, как говорится, своя рука владыка. Высшая советская власть является высшей властью и в идеологии. Она может позволить себе иногда покетничать фундаментальными понятиями подвластной идеологии. Тем более это так лестно войти в историю в качестве революционера, причем революционера особого рода, совершившего переворот можно сказать в одиночку. „Что за человечье!” Маркс, Ленин и Сталин вместе взятые были неспособны на такое. А о Хрущеве и говорить нечего: мелочь!

Но дело в том, что и идеология имеет свои законы, неподвластные даже таким „революционерам” („диссидентам на троне”), как Горбачев. И

нарушение этих законов не может пройти безнаказанно даже для тех, кто хозяйничает в идеологии. Советский народ, начавший семьдесят лет назад величайшую революцию в истории человечества (как его приучили думать), рано или поздно задается вопросом: а действительно ли происходящее (а со временем — происходившее) в стране есть революция? А если это — революция, то в какую сторону сравнительно с революцией, начатой в 1917 году? А что, если это — контрреволюция по отношению к тому, ради чего советский народ пошел на неслыханные жертвы? Не случайно же западные „империалисты” и их лакеи хвалят Горбачева за эту „революцию”!

Вот в таком духе думает определенная часть советского населения. Причем число людей, думающих так, растет и будет расти, поскольку горбачевские нововведения, принося какие-то выгоды незначительной части населения, нисколько не улучшают положение основной массы населения, а для значительной его части приносят явные ухудшения. С их точки зрения горбачевская „революция сверху” выглядит как покушение на основные завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, то есть именно как контрреволюция, осуществляемая сверху. И для такого мнения более чем достаточно оснований.

В области экономики имеют место попытки внедрить методы капитализма под видом „самофинансирования” и поощрения частного предпринимательства. Даже в 20-е годы Ленин, повторяю, допускал нэп как временную меру и считал ее отступлением от идеалов революции. А после семидесяти лет успешного строительства коммунистического строя прибегать к методам, аналогичным нэпу, — значит отступать перед капитализ-

мом в условиях, когда никакое отступление не требуется.

Отступления от принципов государственного (планового) регулирования цен идут в том же направлении. В коммунистическом обществе коренным образом меняется роль денег и вообще денежной системы. А то, что делается в стране в отношении ценообразования и „самокупаемости” есть грубейшее нарушение принципов коммунистической экономики.

В вопиющем противоречии с идеями коммунизма находится также пропагандируемое в прессе намерение закрепить общественную собственность за трудовыми коллективами. Намерение повышать экономическую эффективность предприятий западными методами означает покушение на святая святых завоеваний революции — на гарантии в отношении трудоустройства. Цель коммунистических предприятий — не погоня за прибылью, а трудоустройство граждан и обеспечение им благополучного образа жизни, свободного от дефектов капитализма. В сфере управления обществом предпринимаются попытки нарушить ленинские принципы демократического централизма. В области культуры допущены западные влияния, приведшие к деморализации молодежи и идейной распущенности. В сфере быта обывательские интересы завладели душами людей. И в таком духе рядовой советский человек, воспитанный в рамках коммунистической идеологии и вкусивший преимуществ коммунистического образа жизни, рассматривает все явления горбачевской „революции”.

Вопрос стоит так: есть ли эта „революция сверху” очередная руководящая кампания, фразеология и лозунги которой имеют лицемерный смысл, или она есть нечто серьезное по сути дела,

имеющее целью реальную перестройку жизни страны в буквальном соответствии с фразеологией и лозунгами?

Если это руководящий фарс, то он зашел слишком далеко, усилив идеологический и моральный кризис в стране. И тогда с ним надо кончать, пока не поздно. Если же это — серьезное намерение, то это есть контрреволюция по отношению к основным завоеваниям семидесятилетней советской истории. И в таком случае надо защищать эти завоевания. Иначе будет построен „демократический” коммунизм, в котором будут утрачены достоинства коммунизма, но не будут приобретены достоинства капитализма.

Люди, конечно, так или иначе приспособятся к новым условиям и восстановят статус-кво, но в гораздо худшем виде, чем раньше. Таково направление мыслей подавляющего большинства населения страны: рабочих и крестьян, которые предпочитают гарантированную работу и сравнительно легкие условия труда там, где они живут, пусть ценой низкого жизненного уровня; служащих, которых в стране десятки миллионов и которые хотят иметь стабильное положение, не зависящее от капризов очередных кампаний; деятелей культуры, среди которых настоящие таланты можно сосчитать по пальцам.

Государственный контроль за всеми аспектами жизни страны, работа учреждений и предприятий в рамках строго установленного плана, гарантии трудоустройства и служебного положения, контроль коллективов за поведением индивидов, коллективистский образ жизни, мощные органы общественного порядка, распределение материальных и культурных благ в соответствии с социальным положением и прочие явления коммунистического

образа жизни, ставшие привычными в брежневские годы, — это все вполне устраивает подавляющее большинство советского населения. Советские люди хотят жить для самих себя и сейчас, а не ради исполнения маниакальных замыслов отдельных партийных карьеристов. Они хотят укреплять завоевания коммунистической революции и пользоваться ими в меру своих возможностей. Их в гораздо большей мере устраивает эволюция общества в направлении усиления его коммунистических качеств, а не в направлении их ослабления.

И вообще, — думает средний советский человек, — семьдесят лет строили, жили в тяжелых условиях, приносили жертвы и, оказывается, строили неправильно! Теперь надо все перестраивать?! А где гарантии, что эта „перестройка” потом не будет рассматриваться как перегиб, и новые „перестройщики” не заговорят о новой „революции сверху”? А почему же мы, несмотря на то что строили неправильно, выдержали такие исторические испытания, какие не выдержала бы никакая капиталистическая страна? А благодаря чему мы стали сильнейшей державой в мире, перед которой заискивают передовые в экономическом отношении страны Запада?

Главным противником горбачевских реформ являются широкие массы советского населения. Если даже допустить, что горбачевские реформы будут осуществляться без всякого сопротивления, положение в стране существенным образом не изменится. Эти реформы выглядят грандиозными лишь с точки зрения западных простаков, не имеющих понятия о внутренних механизмах советского общества. Социальная система страны остается неизменной. Делаются лишь мелкие и формальные поправки, производящие эффект на Западе и вы-

зывающие раздражение у здравомыслящих людей в стране. Но эти поправки затрагивают личные судьбы масс населения, ведут к ухудшению условий их жизни и работы. В массах советского населения идет и будет идти борьба за реальные преимущества коммунистического образа жизни, которые были достигнуты явочным порядком в течение семидесяти лет советской истории, против призрачных преимуществ западнообразных форм жизни, которые советское руководство стремится навязать сверху.

Статья двадцать шестая ПЛАТА ЗА ПЕРЕСТРОЙКУ

Коммунистический социальный строй способен на многое. Но те достижения, на которые он способен, дорого обходятся населению страны. И советские люди испытывают это на себе вот уже семьдесят лет. Так что было бы наивно рассчитывать на то, что за горбачевскую перестройку советским людям не придется расплачиваться.

Положительные последствия перестройки для широких масс населения сомнительны, а тяготы ее ощущаются уже сейчас. 2 октября 1987 года Горбачев заявил (в длинной речи в Мурманске) о необходимости повышения цен на продукты питания. Разумеется, с целью улучшения жизненных условий трудящихся. Ничего нового в этом нет. Этого следовало ожидать.

Интерес представляют некоторые пункты мотивировки такой меры. Горбачев где-то увидел, как дети играли куском хлеба в футбол. Весьма возможно, так оно и было. Но неужели этот нич-

тожный факт вдохновил „великого реформатора” на мысль о повышении цен на хлеб, — на основной продукт питания советских людей? Допустим, что ссылка на детей, пинающих кусок хлеба, лишь риторический прием. Возникает вопрос: почему в стране с огромной территорией, пригодной для производства хлеба, с огромной массой людей, занятых в его производстве, на семидесятом году существования самого передового, прогрессивного и справедливого социального строя в истории человечества страна переживает хронические трудности с хлебом и вынуждена повышать цены на хлеб? Нельзя же в конце концов сваливать вину на плохие погодные условия. Неужели все семьдесят лет в стране была плохая погода? Нельзя бесконечно винить исторические обстоятельства. Германия и Япония были разгромлены в войне, а достигли уровня, недостижимого для Советского Союза по крайней мере в ближайшие сто лет (если не будет новой войны).

Не пора ли задуматься над тем, что сами объективные законы коммунистического социального строя повинны в том, что страна с огромной территорией для сельского хозяйства и огромным числом людей, занятых в нем, не способна сама себя прокормить на уровне, достойном достижений конца XX века.

Один из аргументов в пользу повышения цен на продукты питания (а это — тоже реформа?) советская экономическая мысль усматривает в том, что цены на продукты питания ниже реальной их стоимости. Поразительно! Семьдесят лет существует коммунистический социальный строй. В стране десятки тысяч экономистов. Но до сих пор к советской экономике применяются понятия и критерии, заимствованные из западной экономической

мысли и чуждые советской системе. До сих пор в стране нет мало-мальски приличной экономической теории.

В советском обществе бессмысленно искать экономику цен. Здесь основу ценообразования составляет не экономика, а политика цен. О какой „реальной стоимости” хлеба тут может идти речь? Решение повысить цены продиктовано не научными, а политическими соображениями. Решено повысить цены, поскольку перестройка слишком дорого обходится, и образованные чиновники горбачевского руководства кидаются наперегонки искать этому научное обоснование. Ссылка на некую „реальную стоимость” хлеба (в коммунистическом обществе это — логический нонсенс) в интеллектуальном отношении ничем не превосходит ссылку Горбачева на детей, якобы играющих хлебом в футбол.

Реальная стоимость хлеба и есть та стоимость, по которой хлеб продается потребителям. А то, что советское общество тратит слишком много средств и сил на производство хлеба сравнительно с западными странами, это характеризует его производительность труда, причем тут нужны понятия и методы измерения, принципиально отличные от таковых в обществе со свободным рынком и конкуренцией.

Статья двадцать седьмая
УРОК ОДНОЙ
НЕУДАВШЕЙСЯ РЕФОРМЫ

В конце января 1987 года Горбачев выступил с идеей новой реформы. На сей раз он посягнул на

на каких-то там пьяниц, нарушителей трудовой дисциплины, бюрократов и консерваторов, а на самую, можно сказать, сердцевину советской системы власти и управления — на способ назначения людей на руководящие партийные посты. Он предложил выбирать партийных руководителей из нескольких кандидатов, причем тайным голосованием.

Разумеется, на Западе нашлось немало людей, которые встретили это предложение Горбачева с восторгом. Наконец-то, — решили они, — „освободитель Сахарова” Горбачев двинет советское общество по пути к западной демократии.

Но вот Январский Пленум ЦК КПСС не принял предложение Горбачева. Его западные поклонники приуныли. „Реакционеры” и „консерваторы” из советского партийного аппарата, — решили они, — ставят Горбачеву палки в колеса, мешают ему осуществить в стране „перелом” в направлении прогресса и демократии. При этом поклонники Горбачева как-то позабыли о том, что упомянутые „реакционеры” и „консерваторы” сами принадлежат к „молодому”, „инициативному”, „образованному” и „прагматичному” (как их называет западная пресса) поколению советских партийных руководителей.

Это они выдвинули Горбачева в лидеры. И они не меньше своего лидера занимались демагогией по поводу „назревших преобразований”, „ускоренного социально-экономического развития”, „гласности”, „трезвости” и других явлений, ставших шаблонными в советской пропаганде.

Но вернемся к неудавшейся реформе Горбачева. Два вопроса возникают в связи с ней.

Первый — почему опытный партийный аппаратчик (то есть профессиональный партийный работник) Горбачев выступил с таким предложением?

Второй вопрос — почему его соратники по партийному аппарату не приняли это предложение?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо знать, как фактически устроена советская система власти и управления, какую роль она играет в жизни советского общества и по каким правилам она функционирует и воспроизводится.

Научный анализ советской системы власти и управления обнаруживает, что как само предложение Горбачева, так и факт его отклонения Пленумом имеют одни и те же основания.

Существуют различные способы воспроизводства власти. Среди них актуальное значение имеют два: 1) отбор подходящих кандидатов и назначение их на посты сверху; 2) выборы кандидатов на посты, осуществляемые голосованием снизу.

Для коммунистического общества характерен первый способ. Второй способ является подсобным, действующим под контролем первого и в значительной мере маскирует невыборную по существу власть и лишь отчасти формально санкционирует заранее predetermined результаты первого способа воспроизведения власти.

Отбор людей в систему власти производится особыми лицами и органами, уполномоченными на это. Решающая роль при этом принадлежит тем, кто уже находится у власти. Так что здесь происходит воспроизводство той же системы власти и из того же человеческого материала. При этом отбор производится из многих кандидатов. Рассматриваются даже не два, а значительно большее их число. Потому Горбачев со своим предложением, как говорится, ломился в открытую дверь.

Но если даже допустить, что предложение Горбачева было бы принято, сущность системы власти не изменилась бы. Если бы даже выборы произво-

дидлись из десятков кандидатов, все они были бы заранее отобраны соответствующими органами в соответствии с критериями отбора. Различие между ними было бы настолько незначительным, что его вообще можно не принимать во внимание. А если бы различие и было существенным, оно немедленно потеряло бы значение, как только избранный кандидат приступил бы к исполнению своих обязанностей.

В советском обществе объективно действует не принцип „человек красит место”, а принцип „место безобразит человека”. Опытный партийный работник Горбачев не мог не знать этого явления в системе власти своего общества. Его предложение поэтому было рассчитано прежде всего на то, чтобы внести очередной вклад в строительство своей „потемкинской деревни”. Как говорят в советской партийной среде, это предложение было рассчитано на то, чтобы „завоевать дешевую популярность”.

Но почему же соратники Горбачева, прекрасно знающие то, что советская система власти невыборна по существу и выборна лишь по видимости, отклонили демагогическое и пропагандистское предложение Горбачева?

Дело в том, что принятие этого предложения без изменения сущности аппарата власти, могло затронуть личные интересы тех, кто его олицетворяет.

Одним из самых фундаментальных принципов коммунистического строя (и, кстати сказать, одним из соблазнительных качеств строя) является стабильность положения, достигнутого человеком в его карьере. Если человек достиг какого-то уровня в социальной иерархии, то ему этот уровень скорее всего гарантируется навечно. Он уже не может опуститься на низший уровень. Конечно,

колебания в ту или другую сторону происходят. Многие теряют свои посты, в том числе по старости, по болезни, в наказание за ошибки и преступления. Но в подавляющем большинстве и, как правило, имеет место стабильность социального положения. В системе власти чиновники передвигаются с места на место и повышаются по служебной линии по тем же принципам, как это имеет место в стабильной армии в нормальных условиях.

Принятие горбачевского предложения поставило бы под угрозу действие этого принципа в отношении самой важной категории представителей аппарата власти — партийных руководителей. Члены ЦК КПСС, собравшиеся на Январский Пленум ЦК КПСС, увидели в предложении Горбачева угрозу для своего личного положения.

Одно дело — поболтать о „демократизации”, „гласности”, „ускорении” и т.п., — эта болтовня, поражая воображение Запада, ровным счетом ничего не меняет в реальном ходе жизни и в положении власть имущих. И другое дело — рисковать своим личным благополучием, достигнутым в соответствии с неписаными, но незыблемыми законами советского образа жизни. С точки зрения работы аппарата власти разница между Ивановым и Петровым, отобранным для тайного голосования на пост руководителя, такая же, как разница между рязанским и тульским клопом. Но для самих Иванова и Петрова далеко не безразлично, кого из них провалят на выборах и кого изберут.

Отклонение предложения Горбачева есть первая ласточка в том, что в истории горбачевского руководства наступает новый период. Запас реформаторских идей исчерпан или близок к тому. Принятые решения не приносят того радикального „перелома”, какой обещался.

Что же дальше? У советского руководства нет выбора: остается одно — умерить реформаторский пыл, посчитаться с объективными возможностями и закономерностями своего общества и потихоньку эволюционировать в направлении осмеянного и оплеванного Горбачевым брежневизма.

Лично же перед Горбачевым открывается два возможных пути: либо встать на путь, отвечающий только что описанным интересам советского руководства в целом, либо продолжать свою реформаторскую истерию.

В первом случае он имеет шансы превратиться в брежневообразное ничтожество, во втором — повторить опыт Хрущева.

Если Горбачев пойдет вторым путем, он еще имеет время и возможности для очередных сенсаций на Западе. Дело в том, что соратники Горбачева должны дать ему возможность, как говорят в России, наломать дров и сесть в лужу со своими реформами, чтобы сбросить его с поста Генерального секретаря не в качестве героя, которому „реакционеры” не дали осуществить „великий перелом”, то есть не в роли своего рода диссидента на вершине власти, а в качестве безответственного демагога и болтуна, нанесшего ущерб советскому социальному строю и советской идеологии.

На это нужно время и терпение. Кроме того, нужно время на то, чтобы ближайшие соратники Горбачева созрели для предательства своего лидера. В аппарате власти советского общества такое поведение не исключение, а одна из норм ее функционирования и воспроизводства.

Статья двадцать восьмая ГОРБАЧЕВИЗМ И ЗАПАД

Горбачев впервые появился на Западе (в Англии и Франции) еще до избрания его на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, но уже в качестве наиболее перспективного кандидата на него. И произвел фурор.

И как его было не произвести?! Совсем еще юный, всего пятьдесят четыре годика, можно сказать, — мальчишка, а уже член Политбюро! И почти наверняка скоро будет Генеральным секретарем. А ведь это — самый высокий пост на всей планете, а то и во всей галактике.

Ну, был бы это какой-нибудь заурядный пост президента США или Римского папы... Тогда это ничего особенного не значило бы.

Что может произойти с США, если президент будет лет на тридцать помоложе? Не свернут же Соединенные Штаты в сторону коммунизма! Или что случится с католической церковью, если ее глава будет даже еще моложе нынешнего? Опять-таки ничего особенного. Во всяком случае, католическая церковь не повернется в сторону марксизма.

А заняв пост первого человека в советском руководстве, молодой и энергичный человек, — думали на Западе, — одним лишь мановением мизинца может Советский Союз двинуть в сторону западной демократии. Он же высшее образование имеет, по-английски выразаться умеет, жену очаровательную имеет! Вот возьмет — и двинет. Сам не захочет, очаровательная супруга прикажет. Она же одежду покупает в лучших магазинах Лондона и Парижа! С товарищами по партии спорить можно, а с такой женой не поспоришь. „Хочу, — ска-

жет, — чтоб в Москве Диор, Эйфелева башня и Статуя Свободы были!” И попробуй, послушайся!

А когда стало известно, что господин (не товарищ, а именно господин!) Горбачев в свое время сдавший экзамен по научному коммунизму на „отлично”, не захотел посетить могилу основоположника того самого „научного коммунизма” Карла Маркса, а очаровательная и светски воспитанная госпожа (опять-таки не товарищ, а госпожа!) Горбачева сказала Железной леди на прощание: ”See you later, alligator!“, всему миру стало очевидно, что Советский Союз вот-вот покатится в западном направлении.

На Западе, впав в эйфорию, забыли о том, что Сталину было всего сорок три года, когда он стал Генсеком, а Хрущев и Брежнев имели образование не хуже, чем Горбачев, а в их окружении образованных и молодых людей было даже больше, чем в окружении Горбачева. И госпожа Горбачева не новатор в деле использования Запада для своих личных нужд. Представители привилегированных слоев советского общества уже не одно десятилетие получают с Запада предметы быта, начиная с унитазов и кончая предметами интимного дамского туалета. Они это делали как в период разрядки напряженности, так и в период холодной войны. А госпожа Хрущева и госпожа Брежнева не обряжались в западные модные одежды не потому, что таковых не могло быть в их гардеробах, а по той простой причине, что в западных одеждах они выглядели бы еще более карикатурно, чем в отечественных.

Позволяя своей супруге заказывать одежду в Лондоне и Париже и оплачивать счета посредством „Американ экспресс”, господин Горбачев, как и его предшественники, не превращается в политического деятеля западного типа, а советское обще-

ство от этого не становится западной демократией. А по части улыбок, то Брежнев, сиявший ими в первые годы своего правления, остается недосягаем для Горбачева.

Когда М.С.Горбачева избрали на пост Генерального секретаря, в западных средствах массовой информации ему авансом стали создавать репутацию выдающегося политического деятеля.

Однако такая реакция на Горбачева на Западе была не случайна. Запад был подготовлен к ней, и уже Ю.Андропов знал об этом через свою мощнейшую агентуру. И Горбачев сознательно стремился завоевать симпатии на Западе. Ему это не только было дозволено, но и поручено правящей верхушкой советской системы власти и управления (руководства).

Советский Союз с первых же дней своего существования оказывал влияние на умонастроения в странах Запада и осуществлял там пропаганду в своих интересах. Разумеется, при этом использовались все средства обмана. Но лишь в последние (80-е) годы произошел перелом, позволяющий говорить о новой эпохе в воздействии Советского Союза на страны Запада.

В чем состоит сущность этого перелома?

В предшествующие годы в советском воздействии на Запад доминировала убежденность в том, что коммунистический социальный строй несет с собою освобождение трудящимся от зол капитализма и что трудящиеся поддадутся обаянию коммунистического земного рая.

В брежневские годы активная часть советского населения, включая представителей власти, которые начали делать карьеру в хрущевские годы, сделала для себя открытие огромного исторического значения. Она на своем опыте почувствовала то,

что коммунистической строй не есть тот земной рай, каким его изображают в советской идеологии и пропаганде. На смену убежденности в истинности идеологии пришло чисто прагматическое отношение к ней как к необходимому средству обработки и организации общественного сознания. На смену идеологически опосредованному отношению к реальности пришло практически непосредственное, лишенное субъективных иллюзий и лишь маскируемое идеологией.

Кроме того, эта часть населения страны поняла, что теперь нет надобности скрывать недостатки советского общества, как это делалось ранее, и что открытое признание очевидных для всех недостатков уже не будет угрозой существованию социального строя страны, системе власти и идеологии.

В эти годы беспрецедентных масштабов достигла советская разведка на Западе, возглавлявшаяся Андроповым. Она включала в себя не только профессиональную разведку КГБ и армии, но и дипломатов, журналистов, ученых, деятелей культуры, туристов и даже эмигрантов. Советская разведка тщательно изучила ситуацию в странах Запада, отбросив все идеологические предрассудки прошлого.

Несмотря на все недостатки разведки как явления типично советского, она сделала открытие, которое имеет тоже важное историческое значение. Она установила, что разоблачения ужасов прошлой советской истории и сущности коммунистического социального строя не могут иметь достаточно длительного и глубокого влияния на умонастроение и тем более на поведение масс людей на Западе, что эти массы на Западе не способны и не хотят знать всю беспощадную правду о советском

обществе, что средства массовой информации Запада и бесчисленные специалисты по советскому обществу вполне надежные помощники советских органов в деле введения в заблуждение западной публики во всем, что касается сущности советского общества, что Запад просто жаждет быть обманутым, но обманутым удовлетворяющим его образом. Советская разведка установила, что западная потребность в самообмане в отношении Советского Союза вполне может быть удовлетворена теми возможностями, которые обнаружались в самом Советском Союзе.

С приходом Горбачева к власти эти две линии сомкнулись, и советское руководство предложило Западу именно ту форму обмана, которая ощущалась здесь как современная потребность в самообмане: советское руководство стало изображать готовность осуществить преобразования, снимающие все претензии Запада к Советскому Союзу, до сих пор занимавшие его внимание. Началась грандиозная кампания по такому воздействию на страны Запада, кампания, какой еще не знала история.

Разумеется, обман и самообман как таковые не есть самоцель исторического процесса. Они лишь его средства и внешние формы. Констатируя их как факт, мы должны обратиться к тому, чему они служат и что скрывают.

Есть достаточно много причин, почему на Западе начали создавать культ Горбачева и развернули мощную кампанию по дезинформации общественного мнения по его адресу. Запад не в первый раз впадает в эйфорию по поводу демагогии советских вождей и советской пропаганды, а Горбачев по части обещаний, создающих иллюзию перерождения Советского Союза в желаемом для Запада духе пошел дальше своих предшественников.

Существенно здесь то, что горбачевизм — явление не чисто советское. Это явление международное — в том смысле, что он есть результат взаимодействия Советского Союза и стран Запада. Здесь внешнее поведение советского руководителя совпало с реальной тенденцией в эволюции советско-западных взаимоотношений.

Употребляя слова „обман” и „самообман”, я придаю им социологический смысл, отличающийся от смысла этих слов в применении к отдельным людям. Когда огромное государство вводит в заблуждение другое государство, этот обман не подлежит моральной оценке. Сказать, что обманывающее государство поступает нехорошо, значит сказать нечто очень глупое. Обман в этом случае есть политика, и оценивается он в категориях успеха или неуспеха.

Советская политика обмана Запада явно успешна. Точно так же в отношении самообмана. Самообман, о котором идет речь, есть массовое явление, суть которого в том, что люди не просто по наивности попадают на удочку соблазнительей, но добровольно и охотно поддаются соблазну, рассчитывая от этого что-то выгадать для себя.

В этом смысле массы немцев добровольно и охотно поддались гитлеровской демагогии, а массы советских людей — сталинской. Законы массовых явлений универсальны. Люди на Западе (в качестве масс) добровольно и охотно поддаются влиянию советских искусителей, хотя отдельный индивидуум не настолько наивен, чтобы верить им буквально.

Насколько сильно массовое сознание сравнительно с индивидуальным, об этом говорит такой поразительный психологический феномен: признание советскими властями того, что советские люди

живут плохо, на Западе истолковывают как показатель того, что советские люди живут хорошо. Даже миллионные жертвы в этой ситуации не способны изменить акценты массового сознания. Сейчас страны Запада наводняют эмиссары советского руководства. Они изображают из себя жертв брежневского режима и превозносят режим горбачевский. На Западе никто даже не пытается выяснить, что представляют собой эти люди на самом деле, были ли они действительно жертвами брежневизма, за какие подачки они прославляют горбачевизм. Им готовы извинить любую серость, бездарность, глупость и нечестность. Перед ними унижаются и заискивают.

Западные иллюзии в отношении Горбачева возникли отчасти из желания Запада склонить Советский Союз на путь эволюции в сторону западной демократии, отчасти из надежды, что горбачевцы разлагают и ослабляют советское общество изнутри, отчасти из соображений возможной выгоды от улучшения отношений с Советским Союзом, отчасти вследствие высокомерного отношения к советским людям как к некоей низшей расе, отчасти из страха перед военной угрозой со стороны СССР, отчасти от неосознанного стремления оправдать свою трусость и безответственность, отчасти из подражания моде. Короче говоря — в результате совпадения множества факторов, определивших общее состояние умов и чувств множества людей. Разумеется, мир полон здравомыслящих людей. Но их голос слаб или не слышен совсем.

Реальная ситуация в Советском Союзе западную публику мало интересует. А советское руководство достаточно умно, чтобы не давать повода для разочарований на Западе. Главное для Запада — чтобы продолжалась демагогия горбачевского

типа. Западу удобнее иметь дело с такими советскими руководителями. А каково миллионам советских людей, это тут мало кого интересует. С этой точки зрения можно сказать, что Запад встал на сторону советского руководства в его деятельности по насилчанию советского населения.

Статья двадцать девятая ПРОПАСТЬ ВЗАИМОНЕПОНИМАНИЯ

В горбачевскую демагогию входят и призывы к взаимопониманию между странами „Востока” и „Запада”. Что на самом деле тут возможно? Что на самом деле стоит за этими призывами?

Многие люди на Западе до сих пор думают, что ход событий в мире зависит от того, как основные исторические противники — „Восток” и „Запад” — понимают друг друга. Они считают такое взаимное понимание не только желательным, но и возможным. Однако фактически тут имеет место пропасть взаимного непонимания, которая с каждым годом углубляется и расширяется. И встречи на высшем уровне пока еще не остановили и не способны остановить этот процесс.

Конечно, всякого рода переговоры, явные приглашения и тайные сговоры имеют и будут иметь место. Но они не имеют ничего общего с взаимопониманием.

Почему же для нашей эпохи характерно именно состояние взаимного непонимания между „Востоком” и „Западом”, а не взаимное понимание? Казалось, должно бы быть наоборот. Все-таки конец XX века. Миллионы людей получают прекрасное образование. Газеты. Журналы. Радио. Кино. Те-

левидение. Книги. Культурный обмен. Бесчисленные туристы. Дипломаты. Журналисты. Тысячи шпионов. Бесчисленные специальные учреждения с обеих сторон, занятые профессиональным изучением друг друга. Эмигранты. Перебежчики. Технические средства наблюдения и контроля. И все же вместо естественного, казалось бы, прогресса взаимного понимания происходит беспрецедентный в истории процесс взаимного непонимания. В чем тут дело?

Ничего мистического, однако, в этом феномене нет. Дело в том, что проблема взаимопонимания в том смысле, как ее понимают политики, политологи, журналисты, моралисты и прочие лица, жаждущие некоего взаимопонимания, есть проблема не академическая, а социально-политическая и идеологическая. Противники стремятся в данном случае узнать что-то друг о друге не в интересах беспристрастной научной истины, а с целью создания наиболее рафинированной и лишь правдоподобной идеологической лжи друг о друге. Ничто не отделяет так далеко от объективного понимания реальности, как профессионально подправленная истина.

Основная причина взаимного непонимания состоит не в каких-то дефектах самой интеллектуальной способности понимания, образования и информации, а в противоположности интересов „Востока” и „Запада”, в той роли, какую в обществе играют люди, чьей профессиональной обязанностью является изучение и понимание противника, в средствах манипулирования сознанием и эмоциями масс. Дело не в том, что не могут понять, а в том, что не хотят понять и прилагают титанические усилия помешать редким попыткам выработать объективное понимание.

Вопрос о понимании своего исторического противника есть лишь часть более общей борьбы между „Востоком” и „Западом”, целиком и полностью зависящая от фактического хода и предполагаемых перспектив этой борьбы. Именно политическое и идеологическое искажение истины, а не объективное понимание есть оружие в этой борьбе. Потому взаимное непонимание тут столь же неизбежно, как неизбежна взаимная гонка вооружений, как неизбежны конфликты, угрожающие эскалацией новой мировой войны.

Лозунг взаимного понимания между „Востоком” и „Западом” выглядит просто смешотворным, когда руководители стран „Востока” и „Запада” встречаются на несколько часов или даже минут с намерением лучше понять друг друга и стоящие за ними социальные системы. Десятки тысяч специалистов годами просиживают штаны с намерением лучше понять социальный строй, образ жизни, возможности, намерения и перспективы стран противостоящей системы, а результат их усилий с научной точки зрения с обеих сторон близок к нулю. А тут два человека, не имеющие специального образования, не имеющие ни малейшего понятия о технике научной работы и не потратившие на это ни минуты усилий, встречаются на короткое время, и им вдруг все становится ясным и понятным! Весьма символическая картина.

Чего на самом деле хотят, когда говорят о взаимном понимании? Действительно стремятся к объективному пониманию реальности?

Ни в коем случае. Говоря о взаимопонимании, имеют в виду нечто другое, а именно — возможность такого сговора на уровне высшего руководства стран, который позволил бы сговаривающимся сторонам решить какие-то свои проблемы. Все де-

ло тут лишь в том, какие проблемы решаются с той и другой стороны, какая сторона в конечном итоге будет иметь исторически важный выигрыш. А с этой точки зрения горбачевское руководство не вносит ничего принципиально нового в решение проблемы „взаимопонимания”. И оно обречено, как и предшествующее руководство, всемерно усиливать военный потенциал страны. Оно принимает и будет принимать участие в любых переговорах по поводу ограничения вооружения. Оно может делать самые соблазнительные демагогические предложения. Но оно никогда и ни при каких обстоятельствах не откажется от своей эпохальной установки на подготовку к новой мировой войне. Оно может пойти на кажущееся сокращение вооружений вдвое, но лишь при том условии, что в результате этого „сокращения” реальная военная мощь страны увеличится по крайней мере вдвое. Оно обречено, далее, на всестороннюю эксплуатацию Запада, без помощи которого Советский Союз не может удержаться на более или менее приличном экономическом и технологическом уровне.

Статья тридцатая СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

В июле 1987 года министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварнадзе выступил на совещании министров иностранных дел союзных республик. Его речь была посвящена повышению эффективности внешнеполитической деятельности советского руководства („Вестник министерства иностранных дел”, № 4, 1987).

Речь эта любопытна как свидетельство „перестройки” в одном из важнейших аспектов жизни советского общества — в аспекте международного положения Советского Союза. Фразеологически она представляет собою сочетание традиционного марксистско-ленинского словесного клиширования с модными словечками, заимствованными из языка средств массовой информации Запада. Это характерно для языка горбачевского руководства. Шеварнадзе, например, говорил о „единстве, противоречивости и взаимосвязанности современного мира”, явно припомнив черты диалектики из оплеванной работы обруганного Сталина „О диалектическом и историческом материализме”.

Вместе с тем, он употреблял словечки вроде „модель” и „интеграция”, когда-то считавшиеся понятиями буржуазной идеологии, но теперь завладевшие языком нынешних советских марксистов-ленинцев.

Но оставим в стороне чисто словесное оформление намерений горбачевского руководства и обратимся к сущности этих намерений, прикрываемых словами из западного лексикона. Шеварнадзе говорил о необходимости советской „интеграции в мировую систему хозяйствования”, составной частью которой Советский Союз якобы давно является фактически, но еще не стал таковой политически и организационно.

Вот в чем суть дела! Советскому Союзу надо внедриться политически и организационно в мировую экономическую систему стран Запада, то есть стран, по советской терминологии, капиталистических.

Хотя это желание мотивируется ссылкой на некое „международное разделение труда”, подлинные причины его остаются невысказанными. Но они

очевидны всем. Однако о них стараются молчать, причем — с обеих сторон.

Молчание с советской стороны вполне объяснимо, ибо причины эти, если описать их объективно, весьма неприглядны: коммунистический социальный строй обнаружил с полной очевидностью неспособность конкурировать с капитализмом в сфере экономики и, более того, неспособность преодолевать внутренние трудности своими средствами, без помощи капиталистических стран. И желание советского руководства интегрироваться в мировую систему хозяйствования означает на деле желание еще глубже впиться в тело пока что недобитых капиталистических стран и высосать из них как можно больше жизненных соков. Потому и предлагаются Западу такие формы экономического сотрудничества, которые раньше считались угрозой социальному строю страны.

Теперь положение изменилось. С одной стороны, без живительных соков западной экономики советская экономика, склонная к застою и паразитизму, не может даже удержаться на достигнутом уровне. А с другой — Советский Союз достиг такой военной мощи и развил такие средства контроля за своим населением, что может без особого риска допустить кусочек капитализма у себя дома и более тесные отношения с капитализмом вовне.

Стремясь впиться в тело западных стран, советские паразиты сочетают униженные мольбы о помощи с наглыми требованиями, и наглые требования спасать советскую экономику и снабжать Советский Союз новейшей технологией, прикрываемые униженными просьбами и заискиванием.

Но вот почему о подлинной сущности интеграции Советского Союза в мировую экономику не хотят открыто говорить на Западе? Почему тут де-

лают ударение на выгоды таких отношений для Запада?

Ответ лежит в ситуации на самом Западе. Естественно, встают вопросы: 1) кому на Западе выгодно советское вторжение (лучше сказать — всасывание) в западную экономику; 2) насколько эта выгода долговременна и каково ее отношение к будущим потерям; 3) что несет с собой Западу экономическое укрепление Советского Союза за счет помощи самого Запада?

Опыт истории учит, что в международных делах, чем жарче поцелуи и крепче объятия сейчас, тем более грубыми и остервенелыми будут взаимная брань и взаимные оскорбления потом. И те же самые люди, которые сегодня поют дифирамбы Горбачеву, через несколько лет будут самыми злобными его критиками. А пока — пока играется комедия обманов и самообманов. И если в этой комедии одна сторона (Советский Союз) заслуживает насмешки, то другая сторона (Запад) заслуживает презрения.

Статья тридцать первая НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ

Вы думаете, что величайшее событие века — это подписание договора между СССР и США об уничтожении ничтожной доли избыточного и устаревающего оружия?

Не спорю, это событие великое. Но не самое великое. Оно стоит лишь на втором месте.

На первом месте стоит соглашение между Рейганом и Горбачевым обращаться друг к другу на „ты” и называть друг друга соответственно —

Роня и Миша. Вот это действительно величайшее событие века! Если бы главы стран раньше догадались подняться до такого уровня взаимопонимания, то скольких бед избежало бы человечество!

Решили бы, например, император Наполеон и царь Александр называть друг друга соответственно — Боня и Саша, — глядишь, и не было бы смертоубийственной бойни 1812-1814 годов. Решили бы Гитлер и Сталин называть друг друга соответственно — Адик и Юзик, — может быть, удалось бы избежать второй мировой войны...

Но теперь жители перенаселенной планеты могут жить и размножаться спокойно. Раз главы сверхдержав решили звать друг друга дружески любовно Роня и Миша, третьей мировой войны наверняка не будет. И в самом деле, из-за чего ей теперь быть?! Сказав в свое время, что СССР есть империя зла, Роня явно погорячился. Теперь он готов сказать, что СССР есть страна (а не империя!) добра.

Не берусь гадать о том, что стал говорить своим коллегам Роня, расставшись с Мишей. Но что сказал Миша своим соратникам, расставшись с Роней, это я себе живо представляю.

— Вот что, товарищи, — сказал Горбачев в узком кругу руководителей партии и правительства, — поулыбались, и хватит! Теперь улыбки в сторону и за дело! Америкашек мы облапошили — это факт. Перед нами теперь задача разоружаться так, чтобы наша военная мощь возрастала неуклонно и через пять или, максимум, через десять лет превзошла военную мощь Запада по крайней мере вдвое. И чтобы это со стороны незаметно было. Наши условия позволяют нам это. Совсем не то в США. Если мы не заметим нарушений ими соглашений, у них найдутся люди, которые это заметят и предадут

гласности. Ихняя гласность — не то, что наша. Мы нашу гласность контролируем, а они — нет. И в этом наше преимущество.

— Мы должны теперь развивать такие виды вооружения, — продолжал Горбачев под одобрительный гул соратников, — которые дают нам неоспоримые преимущества перед американцами и перед странами Западной Европы. Такие виды оружия у нас уже есть. И мы по ним оставили далеко позади американцев. Единственно, чего нам не хватает, это современной тонкой технологии и компьютеров. Но теперь можно с уверенностью сказать, что американцы снабдят нас этим в изобилии. А если они начнут артачиться, нам помогут немцы, французы, японцы и все остальные.

— Теперь для нас складываются благоприятные условия и в Западной Европе, — говорил дальше Горбачев, выждав, когда кончатся аплодисменты соратников. — Мы теперь имеем реальные возможности выбросить америкашек из Западной Европы. Для этого мы должны начать вдалбливать в мозги народов Западной Европы идею, что мы все суть европейцы, что Европа есть на общий дом. Им это понравится. Они не любят америкашек и клонут на нашу удочку. А со временем мы им покажем, кто есть подлинный хозяин нашего общего европейского дома! При этом мы можем пойти на то, что выведем все наши войска из стран Восточной Европы и из ГДР, если в результате этого в Западной Европе не останется ни одного американского солдата. Наша угроза Западной Европе от этого не ослабнет. Европейцы понимают, что в случае чего американцам нужно несколько месяцев на дебаты в их учреждениях власти, чтобы принять решение послать в Европу мизерное количество войск, что европейским властям нужно еще больше

времени, чтобы преодолеть готовность своих народов к капитуляции, а что нам достаточно двух дней, чтобы восстановить и даже удвоить наш военный потенциал в Восточной Европе и в ГДР. Это понимают даже школьники. И именно в силу простоты этой истины, она недоступна руководителям стран Запада.

— Наконец, товарищи, — сказал Горбачев, откашлявшись и сверкнув улыбкой, покорившей Запад, — нам пора закругляться с перестройкой.

Трудно передать словами, что стало твориться с соратниками Горбачева. Они вскакивали с мест, обнимались, кричали „ура!“. Когда в конце концов они успокоились, Горбачев продолжил свою речь.

— Опыт перестройки показал воочию, что западнообразные методы чужды нашей социальной системе, экономике, системе управления и идеологии. У нас есть свои методы жизни и деятельности, проверенные в течение десятков лет. Перестройка сыграла свою пропагандистскую роль. Есть признаки того, что если мы и впредь будем так же энергично настаивать на ней, мы получим эффект, противоположный желаемому. Нам только нужно тщательно продумать систему мероприятий, чтобы изменение нашей политики выглядело не как отступление, а как успешное претворение в жизнь нашей программы перестройки. Я думаю, что можно начать с критики крайностей и авантюристических тенденций в ходе перестройки. Опыт с товарищем Ельциным показал, что в стране и во всем мире к такой критике относятся с пониманием. На наших идеологических работников и пропагандистов в связи с этим возлагается особая задача поддержания в мире неослабевающего энтузиазма в отношении перестройки.

— И в заключение, дорогие товарищи, — закончил свою речь Горбачев, — мы должны принять решительные меры в отношении употребления алкогольных напитков. Мы, большевики, не аскеты...

Тут соратники уж совсем не могли совладать с собою. Началось такое, что о продолжении речи Горбачева и думать нечего было. Горбачев махнул рукой в знак одобрения, и счастливые соратники ринулись по своим квартирам, где вынули из секретных шкафчиков заветные графинчики с водочкой, настоенной на лимонной корочке.

— А наш Миша молодец! — говорили они домохозяевам, заедая каждую рюмочку икоркой, севрюжкой и прочими вкусностями из закрытых распределителей, которые не успел отменить авантюрист Ельцин. — Мы думали, что он и в самом деле диссидент. А он!... Нет, он настоящий аппаратчик! Сталинской выучки руководитель! Ну, теперь мы такую перестройку покажем, что сам Иосиф Виссарионович, будь он жив, позавидовал бы!

Один лишь Лигачев был недоволен случившимся. Ему было обидно оттого, что Горбачев его перехитрил, что теперь не Лигачев, а Горбачев будет считаться консерватором. И Лигачев стал обдумывать, как он вновь подложит свинью Горбачеву, обвинив его в отступлении от установки съезда партии на перестройку. Лишь под утро он забылся тревожным сном. Ему приснилось, что он общался с новым американским президентом Джорджем Бушем, предлагая ему подписать соглашение об уничтожении и запрете всех видов оружия, включая рогатки и перочинные ножи. Он, Лигачев, называл при этом Буша Жоржиком, а тот в ответ называл его Егорушкой. Потом ему приснилось, что он выступил по телевидению с предложением

отменить всякую плату за водку и разрешить трудящимся пьянствовать круглосуточно. В ответ все двести восемьдесят миллионов граждан вышли на демонстрацию с лозунгами: „Если водка мешает работе, брось работу!”

...Может быть, совещание в Москве проходило не совсем так и не совсем с такими последствиями, как я описал выше. Но нечто подобное все же должно было случиться. Иначе зачем же было Мише Горбачеву переходить на „ты” с Роней Рейганом?!

Статья тридцать вторая СОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС И ТЕНДЕНЦИЯ К КОМПРОМИССУ

Одно дело — провозгласить реформы, и другое дело — осуществить. Одно дело — реформы на бумаге, и другое дело — те же реформы в реальном осуществлении.

При попытках осуществления своих реформ горбачевцы с самых же первых шагов вынуждены были вступить в компромисс с „консерваторами”, маскируя и компенсируя этот компромисс беспрецедентной шумихой в средствах массовой информации.

Я хочу здесь остановиться на двух вопросах: 1) кто такие „консерваторы”; 2) почему компромисс неизбежен.

Одно из свойств западного подхода к советскому обществу заключается в том, что не понятия вводятся в соответствии с реальной структурой населения, а, наоборот, население классифицируется в соответствии с априорными абстрактными

ми понятиями. Таким образом, советские люди разделяются на тех, которые стремятся осуществить перестройку (на перестройщиков), и тех, которые ей противятся (на консерваторов).

В реальности же, если исключить немногочисленные крайности, такого деления вообще нет.

В реальности одни и те же люди обладают потенциями как консерваторов, так и перестройщиков. Как в хрущевские годы бывшие сталинисты вдруг стали антисталинистами и взяли в свои руки дело десталинизации страны, так теперь наиболее ловкие бывшие консерваторы стали перестройщиками и захватили в свои руки дело перестройки.

Люди, составившие инициативное ядро горбачевского руководства, были всегда отъявленными и циничными карьеристами и брежневскими прислужниками. Они стали перестройщиками вовсе не в силу каких-то благородных качеств натуры, а потому что это соответствовало их карьеристским устремлениям и расчетам.

Такого рода люди — самые циничные и изворотливые в советской системе власти и управления. Это не есть их порок, но и не есть их добродетель. Это есть качество, адекватное системе власти и управления и условиям функционирования в ней.

Для советских людей это качество перестройщиков очевидно как нечто само собой разумеющееся. Но его игнорируют на Западе, принимая видимое извне и временное поведение за чистую монету. А между тем эти люди способны на любую подлость, если это потребуется обстоятельствами. У них (за редким исключением) нет никаких моральных ограничителей. Зато есть высокоразвитая способность оправдывать любое свое поведение некими „высшими соображениями”, „интересами

партии, народа, государства". Они суть социальные хамелеоны, а вся советская система власти и управления есть социальный хамелеон гигантского масштаба.

Но дело не только в самых ловких и инициативных перестройщиках. Дело в том, что перестройку должны осуществлять фактически миллионы консерваторов. Перетасовка управленческих кадров, произведшая сенсацию на Западе, на самом деле лишь в ничтожной мере затронула гигантскую систему организации деловой жизни страны.

Миллионы консерваторов из самых различных слоев населения лишь на время прикинулись перестройщиками, дабы сохранить свои позиции и как-то выгадать за счет новых установок сверху. Они с такой же легкостью ринутся критиковать перестройку и перестройщиков, если установка изменится. Они найдут подходящее оправдание своего поведения и будут продолжать привычный образ жизни в несколько иной форме.

Так что компромисс горбачевцев с некими „консерваторами" есть не компромисс с какой-то узкой кликой в руководстве, а компромисс со всей массой по существу консервативного населения и с самими собою, приведение своей временной формы в соответствие со своею устойчивой социальной сущностью.

Я выше назвал горбачевскую шумиху беспрецедентной. Должен сделать один корректив к этому: она беспрецедентна по масштабам и по реакции на Западе, но не качественно.

Еще Сталин понимал, что чем хуже положение в стране, тем грандиознее должна быть словесная программа преобразований. В условиях кошмарной разрухи в сельском хозяйстве по указанию

Сталина была построена самая грандиозная выставка достижений сельского хозяйства.

Этот принцип коммунистической системы управления страной проявляется и в горбачевской перестройке. Шумиха по поводу перестройки свидетельствует не столько о перспективах советского общества, сколько о его кризисном состоянии.

Я утверждаю, что это кризисное состояние является первым в истории реального коммунизма, специфически коммунистическим кризисом в условиях нормального и даже успешного развития данного типа общества.

Я называю кризис такого рода социальным, в отличие от характерных для капитализма кризисов экономических. Хотя подобный кризис обнаруживается прежде всего в экономике, его нельзя считать экономическим по причинам и по широте.

Тяжелое экономическое состояние страны здесь есть следствие более глубоких причин, лежащих в самом базисе коммунистического общества. А кризис охватил все сферы советского общества, включая экономику, управление, идеологию, культуру. Этот кризис есть результат суммарного действия всех основных феноменов коммунистической организации общества.

Можно доказать с математической убедительностью неизбежность таких кризисов. Разумеется, проявление их могут быть ослаблены и даже скрыты, как это имеет место в странах Запада при экономических кризисах. Но это не отменяет объективную закономерность, которая так или иначе даст о себе знать в виде тенденции к общему спаду в жизни общества.

Горбачевская перестройка есть не только проявление и следствие специфически коммунистического кризиса, но и поиски путей выхода из не-

го. Этот кризис может быть преодолен лишь методами специфически коммунистическими, то есть методами, которые открыто применялись в сталинские годы и в завуалированной форме во все послесталинские годы.

Нынешнее советское руководство утратило веру в надежность этих средств и боится, что их применение вновь обнажит перед всем миром сущность коммунизма. Поэтому оно, впав в состояние растерянности перед лицом неумолимых законов истории, пытается заставить советское общество преодолевать специфически коммунистический кризис совсем некоммунистическими, западнообразными методами.

Но на этом пути трудности не преодолеваются, а лишь отодвигаются в будущее. Чем больше советское руководство добьется кажущихся успехов сейчас, тем серьезнее будут реальные трудности, которые возникнут в ближайшее время как неизбежное следствие этих временных успехов.

Так называемые бюрократы и консерваторы в советской системе власти и управления на основе своего опыта прекрасно понимают, к каким губительным последствиям может привести страну горбачевский авантюризм. В интересах личного самосохранения и самосохранения страны они делают и будут делать все, чтобы вернуть страну на путь нормального для коммунистического социального строя развития.

Затевая экономические реформы, горбачевцы хотели одним выстрелом убить двух зайцев: оживить советскую экономику изнутри и завоевать симпатии Запада с целью получить помощь, без которой Советский Союз абсолютно не способен ускорить экономическое развитие. Но, как гласит русская поговорка, за двумя зайцами погонишь-

ся — ни одного не поймаешь. Запад готов помогать Советскому Союзу, но лишь до определенного предела, то есть лишь настолько, насколько он уверен в том, что Горбачев расшатывает сами основы коммунистического социального строя. Как только всему миру станет ясно, что основы советского общества остаются незыблемыми, а горбачевская политика обнаружит свой лицемерный характер, энтузиазм Запада в отношении Горбачева пойдет на убыль.

С точки же зрения советских „консерваторов” в горбачевской демагогии и суете все более будет выступать на первый план тенденция к расшатыванию самих основ коммунистической системы. Я думаю, что выводы из этой ситуации могут делать даже школьники.

Второй важнейший аспект жизни советского общества — управленческий. Социальную основу (базис) коммунистического общества образует не пустая фраза из марксистской идеологии насчет общественной собственности на средства производства, а реальные отношения начальствования и подчинения, пронизывающие общество сверху донизу и во всех измерениях.

Огромное число всякого рода учреждений и органов власти, огромное число всякого рода начальников есть столь же неизбежное свойство коммунистического общества, как и множество частных предпринимателей в капиталистическом обществе и множество землевладельцев в обществе феодальном. Аппарат системы власти и управления имеет свои законы функционирования, неподвластные никаким реформаторам вроде Горбачева. Миллионы начальников в стране по существу и есть фактические хозяева общества, а вовсе не некие абстрактные „трудящиеся”. У них есть свои

интересы. И они располагают средствами их отстаивать.

Реформы системы власти и управления только тогда могут быть успешными, когда они совпадают с интересами этих господ общества. Горбачевская псевдореформаторская суэта ставит под угрозу не просто положение отдельных глупых и старых бюрократов, но положение всего господствующего класса общества. И чем сильнее будет эта угроза, тем сильнее будет обратная реакция на нее. Думаю, что наиболее рьяные горбачевцы уже ощутили это. Они уже задумались о своей собственной судьбе. Они уже готовы на предательство. Чему-чему, а этому советских чиновников учить не приходится.

И третий аспект — идеологический. В Советском Союзе в послесталинские годы сложилась кризисная ситуация в идеологии. Советская идеология еще не успела до конца выкарабкаться из нее, как горбачевские теоретики, стремясь всеми путями найти „теоретическое” оправдание любому вздору в горбачевских намерениях, добавили свою солидную долю в углубление кризиса.

Советские „прогрессивные” идеологи за короткое время горбачевизма успели наговорить множество нелепостей, причем таких нелепостей, какие были немислимы даже в обруганные и оплеванные годы сталинизма.

Трудно назвать важный принцип идеологии, который прямо или в завуалированной форме не подвергался бы сомнению. Но эти идеологические вольности дозволены только избранной части идеологического аппарата. Для подавляющего большинства советских идеологов эти вольности выглядят как подрыв самих основ марксистско-ленинской идеологии. А кампания гласности, несмотря

на ее лицемерность и ограниченность, вовлекла в эти идеологические шатания миллионы молодых людей, и без того уже лишенных всякой веры в коммунистические идеалы.

Разумеется, идеологический аппарат, поддерживаемый основной массой населения, не может долго мириться с такой морально-идеологической неразберихой и даже деградацией в стране. Неизбежна очень радикальная идеологическая реакция на горбачевскую либерализацию. И похвалы со стороны Запада по адресу горбачевцев не предотвратят эту реакцию. Другого выхода из морально-идеологического кризиса, переживаемого страной, в условиях коммунистического общества просто нет. Все другие методы способны лишь усилить кризисное состояние.

В Советском Союзе имеются миллионы людей, которые в той или иной форме понимают или по крайней мере чувствуют это. Не могут игнорировать это и сами горбачевцы. Советская пресса, включая всякого рода журналы и провинциальные газеты, в течение 1986-го и 1987 года была буквально переполнена материалами, анализ которых позволяет сделать вывод об изначальной неуверенности горбачевцев в декларированные успехи своих реформ и о скрытой готовности пойти на компромисс в том смысле, о каком я говорил выше, то есть умерить свой реформаторский пыл.

Об этом говорит конфликт в ЦК КПСС, случившийся в октябре 1987 года в связи с поведением Б.Ельцина, одного из самых активных и, надо сказать, вульгарных поборников перестройки. Ельцин был сброшен с вершины власти. Пожертвовав им (по крайней мере временно и частично), горбачевцы обнаружили готовность отказаться от сво-

их непомерных амбиций и встать на путь более умеренного реформаторства. Об этом же говорит интервью Горбачева американской телекомпании Эн-би-си перед поездкой в Соединенные Штаты. В нем Горбачев открыто признал фактическую ограниченность перестройки. Он заявил, что советское руководство будет использовать различные методы улучшения экономики в рамках социализма и методами социализма.

А какое советское руководство осмеливалось преступить это ограничение? Любые социальные и экономические мероприятия в рамках социализма и методами социализма всегда вырождались и будут с необходимостью вырождаться в нечто такое, что не имеет ничего общего с их словесным оформлением, ласкающим слух западных поклонников Горбачева.

„Все то, что происходит сейчас в Советском Союзе в рамках перестройки, — заявил Горбачев, — происходит по инициативе КПСС”. Горбачев, конечно, не провел различия между партийным аппаратом и массой рядовых членов партии. Но и это полупризнание означает, что перестройка есть лишь спектакль, организовываемый сверху, а не процесс в самих основах руководимого общества. „Мы не допустим авантюризма, — заявил Горбачев в интервью, имея в виду казус с Ельциным, — но мы не допустим и консерватизма”.

Итак, горбачевцы хотят избежать крайностей своего волюнтаристского реформаторства и крайностей консерватизма, с неизбежностью порождаемого самими условиями советского социального строя и его системой управления. А это на практике и есть начало эволюции советского руководства в направлении несколько подновленного брежневизма. Так называемое новое мышление, на ко-

торое претендуют горбачевцы, обнаруживает себя лишь как новая демагогическая форма старого поведения.

Статья тридцать третья ИДЕЙНЫЙ ЦИНИЗМ

Раз речь зашла об этом интервью Горбачева, то я хочу обратить внимание еще на один его аспект — на беспредельный цинизм, свойственный всякому советскому руководству и вылезавший наружу в словах Горбачева, может быть, бессознательно, в силу привычки партийного аппаратчика лгать и лицемерить.

„Империи ушли, их нет”, — заявил Горбачев, забыв о советской империи, захватившей силой прибалтийские республики, Западную Украину, Бессарабию и Восточную Пруссию, держащей под своим контролем Польшу, Чехословакию, Венгрию, Восточную Германию.

В терминологии советского главного демагога это — не империя, а добровольное объединение дружественных народов. „Советский Союз ни на кого не собирается нападать, — заявил Горбачев, — и это должны знать американцы, европейцы и все другие”. Должны! Раз советский лидер заявил это, все обязаны верить его словам.

Горбачев говорил как партийный аппаратчик, привыкший к тому, что подчиненные должны выполнять его указания. А американцы, европейцы и все другие обязаны верить ему на слово! При этом игнорируется тот факт, что советская армия уже восемь лет ведет войну против афганского народа, что за один только этот год СССР поставил оружия в Анголу на миллиард долларов.

„Советская военная доктрина оборонительная”, — заявил Горбачев. И американцы, европейцы и все другие опять-таки должны верить этому на слово. Должны!

Но любому западному (а тем более — советскому) военному эксперту отлично известно, что заявление Горбачева есть циничная ложь. Сам Горбачев тут же с доброй улыбкой миротворца заявил, что Советский Союз и впредь намерен поддерживать Кубу и Никарагуа, уверяя, что они для США никакой опасности не представляют. И вообще, вся советская активность в Латинской Америке есть свидетельство оборонительного характера советской военной доктрины.

„Мы не можем диктовать народам свои ценности, навязывать свой образ жизни, навязывать им выбор социальный”, — заявил Горбачев, игнорируя то, что социалистический социальный строй в прибалтийских республиках, в Польше, Чехословакии, Венгрии и Восточной Германии был навязан силой оружия. И зачем вспоминать о том, что попытки Венгрии и Чехословакии освободиться от советского диктата были подавлены силой?

С точки зрения внешнеполитических отношений эволюция горбачевизма будет иметь направление, противоположное тенденции к компромиссу во внутренних делах, а именно — в направлении от нынешних компромиссов со странами Запада к бескомпромиссному усилению своих позиций в мире и к политике обращения со своими партнерами с позиции силы. Дайте нам помощь и время, — требуют и умоляют горбачевцы. Они лишь не высказывают пока вслух то, что думают про себя: „и тогда мы покажем вам, гда раки зимуют!” Похоже на то, что они в этом отношении своего добьются.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судьбу перестройки в конечном итоге решат не постановления ЦК КПСС, не советская пропаганда и даже не западные средства массовой информации, а реальные фундаментальные факторы советской и международной жизни. Чтобы предвидеть ее, надо найти объективные ответы на такие вопросы:

— каким слоем советского населения и в каких отношениях выгодна перестройка и каким нет;

— каковы общие выгоды для страны от перестройки и каковы ее отрицательные последствия;

— как сказываются эти последствия на социальном строе страны, на идейно-моральном состоянии населения и на обороноспособности страны;

— к каким последствиям перестройка ведет во взаимоотношениях со странами советского блока и в самих этих странах;

— как реально складывается международная ситуация для Советского Союза и как будет эволюционировать отношение к перестройке в мире в течение длительного времени.

Поскольку активные участники исторического процесса не стремятся не только к научному анализу такого рода проблем, но даже к здравомыслию, ответы на эти вопросы будут находиться опытным

путем по мере того, как сам процесс жизни будет навязывать их.

Я с первого дня прихода горбачевцев к власти утверждал и с гораздо большей уверенностью продолжаю утверждать теперь, что они пришли к власти отнюдь не с целью либерализации и демократизации советского общества и отнюдь не с целью облегчения жизни стран Запада, а с целью занять определенное личное положение в советской социальной иерархии, укрепить это положение и использовать его в своих личных интересах. Они были допущены к власти с надеждой на то, что смогут мобилизовать силы страны на некий новый „скачок“, остановить движение страны к всестороннему кризису, окончательно задушить всякие неподконтрольные властям оппозиционные настроения и не допустить новую вспышку протестов, укрепить военную мощь страны, улучшить репутацию Советского Союза в мире, замутить общественное сознание Запада, использовать Запад в интересах Советского Союза и всеми средствами раскалывать и деморализовать его. Они делают и будут делать все то же самое, что делали Сталин, Хрущев, Брежнев и Андропов. Но в новых условиях и прибегая к средствам, которые лучше соответствуют этим условиям.

Не исключено, конечно, что их непомерное тщеславие, самоуверенность и недостаток понимания сущности своего социального строя заведут их слишком далеко в их реформаторских порывах, как это было с хрущевцами. И тогда их постигнет судьба хрущевцев.

Но скорее всего они, помня печальный опыт предшественников, постепенно будут эволюционировать в сторону несколько модернизированного брежневизма.

Горбачевские реформы суть искусственные меры, имеющие целью вызвать к жизни в стране явления, чужеродные самой природе коммунистического общества. Это своего рода социально-политические наркотики. Они способны дать некоторый временный успех. Но огромная страна не может долго жить на горбачевских „наркотиках”. Их действие так или иначе ослабнет и прекратится совсем. И тогда наступит состояние, в котором советское руководство будет вынуждено дополнить политику пряника политикой кнута, гораздо более адекватной природе руководимого им общества.

Александр Зиновьев

Мюнхен, декабрь 1987 г.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА „ЛИБЕРТИ“

Политические детективы

Том Кленси. Охота за „Красным Октябрем“ —	цена 20 дол.
Дэннис Джонс. Зимний дворец. —	15.95
Эдуард Тополь. Чужое лицо —	14.95

Книги о зарубежной разведке

Джордж Джонас. Месть —	24.00
Дэнис Айзенберг и др. Операция „Уран“ —	13.00
Стюарт Стивен. Асы шпионажа —	16.95
Рэй Клайн. ЦРУ от Рузвельта до Рейгана —	15.95

Воспоминания перебежчиков

Светлана Аллилуева. Далекая музыка —	14.95
Леопольд Трэппэр. Большая игра. Жизнь разведчика —	18.95
Аркадий Шевченко. Разрыв с Москвой —	19.00
Александра Коста. Странник с одинокой звезды —	20.00
Станислав Левченко. Против течения. 10 лет в КГБ —	14.95

Историко-политическая серия

Александр Янов. „Русская идея“ и 2000-й год —	16.95
Александр Зиновьев. Горбачевизм —	12.95

Книги русских писателей за рубежом

Василий Аксенов. В поисках грустного беби —	16.00
Юлия Вознесенская. Звезда „Чернобыль“ —	15.00
Давид Шраер-Петров. Друзья и тени —	17.95
Григорий Померанц. Открытость бездне. Статьи о Ф.М.Достоевском —	17.95

Лери. Онегин наших дней. Роман в стихах —	10.95
Борис Хазанов. Миф Россия --	15.00
Я Воскресение и Жизнь (роман и две повести; изд-во „Время и мы”, Нью-Йорк) —	16.00
Обе книги Б.Хазанова продаются за —	20.00

Американская классика

Генри Миллер. Тропик Рака —	в твердом переплете	15.95
Курт Воннегут. Праматерь-ночь —		13.95

*К сумме заказа необходимо добавить 1 дол. за пересылку
первой книги и по 50 центов за каждую следующую.*

*Для жителей Канады: 1.50 за первую книгу и по 75 центов
за каждую следующую.*

Адрес издательства „Либерти”

**LIBERTY PUBLISHING HOUSE
475 FIFTH AVE, SUITE 511
NEW YORK, NY 10017-6220
Tel. (212) 213-2126**

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ

ДЭННИС ДЖОНС

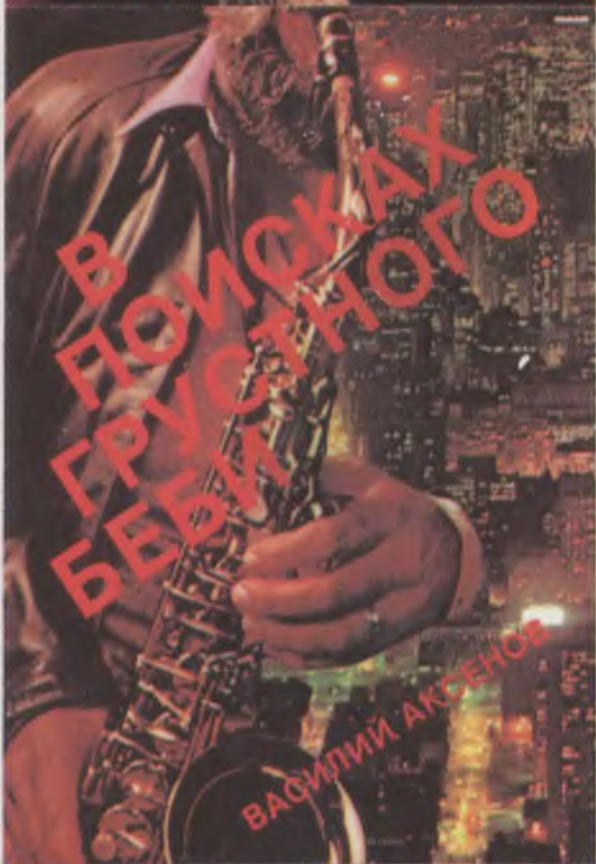
ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

СТАНИСЛАВ ЛЕВЧЕНКО

ЛЕОПОЛЬД ТРЕППЕР

БОЛЬШАЯ ИГРА

В ДОМКАХ БЕРИНОГО

ВАСИЛИЙ АХЕНОВ

РЭЙ КЛАЙН

ЦРУ

ОТ РУЗВЕЛЬТА ДО РЕЙГАНА

РУССКАЯ ИДЕЯ И 2000-Й ГОД

александр янов

Светлана Аллилуева

ДАЛЕКАЯ МУЗЫКА

ДЕРИ

КУРТ ВОННЕГУТ

ПРАМАТЕРЬ-НОЧЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЛИБЕРТИ”
ЛУЧШИЕ КНИГИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ
LIBERTY PUBLISHING HOUSE

475 Fifth Avenue, Suite 511,
New York, NY 10017-6220
Tel. (212) 213-2126